

ГОНЕНИЯ НА РУССКИХ КАТОЛИКОВ. 1923 – 1949 годы.

Провозглашение 17 апреля 1905 года царского манифеста о веротерпимости принесло, наконец, долгожданную свободу вероисповеданию и стало законным основанием для восстановления нормальной деятельности прежде угнетаемой в России Католической Церкви. Но для католического священнослужения страна продолжала быть закрытой: паспортная система и множество официальных постановлений практически не давали возможности его осуществлению.

Но еще большие сложности возникали для существования Русской Католической Церкви восточного обряда. Начало ее возникновения было положено тайным переходом в католичество двух православных священников: отца Николая ТОЛСТОГО (в 1894 году) и отца Алексия ЗЕРЧАНИНОВА (в 1896 году). А 21 мая 1908 года в Риме от имени Папы Римского отец Алексей ЗЕРЧАНИНОВ был провозглашен **«главой миссии священников и мирян греко-славянского обряда, которые живут в русской империи и подчиняются лишь Папскому Престолу»**¹. Главным условием Ватикана для Русской Католической Церкви восточного обряда стало требование **«строго следовать и не нарушать законов греко-славянского обряда, не допускать никакого смешения с латинским или каким-либо другим обрядом»**².

Наступившая после разгрома первой русской революции 1905 года реакция сильно ухудшила положение Католической Церкви. Но особенно большие подозрения властей и архиереев Православной Церкви вызывала деятельность появившейся в Петербурге группы активных последователей идеи объединения Церквей, создавшей первую общину русских католиков восточного обряда. Они провозглашали соблюдение во время службы православного обряда и проповедование на русском языке, но при этом исповедовали догмы католицизма и признавали Папу Римского главой Вселенской Церкви. После долгих переговоров с властями русские католики добились в 1909 году открытия Санкт-Петербурге первой католической церкви восточного обряда Св. Духа.

7 января 1913 года в России вышел первый номер православно-католического журнала русских католиков "Слово Истины", в котором открыто провозглашался манифест русских католиков, призывающий к воссоединению Католической и Православной Церквей. Разразился скандал, и 21 февраля того же года церковь русских католиков Св. Духа была закрыта властями.

После победы Февральской революции, в марте 1917 года опечатанная царской властью церковь русских католиков в Петрограде была опять открыта, и с Пасхальной литургии она стала их официальной приходской церковью. В марте же Временным Правительством, на основании выданных ранее Папой Римским документов, был утвержден, наконец, русский экзархат восточного обряда. И 29 мая 1917 года в Петрограде состоялся первый Русский Католический Собор под председательством митрополита Андрея ШЕПТИЦКОГО. На нем были приняты постановления, определившие каноническую структуру Российской Греко-Католической Церкви, временно подчиненной митрополиту Андрею ШЕПТИЦКОМУ. В 1922 году, после утверждения Папой Римским, экзархом русских католиков был официально провозглашен отец Леонид ФЕДОРОВ, а Российская Греко-Католическая Церковь была непосредственно подчинена Римскому престолу.

Теперь казалось, что для русских католиков началась свободная жизнь...

¹ Wenger A. Rome et Moscou, 1900–1950. Paris, 1987. Перевод. Машинопись. С.45.

² Там же.

«Только с падением царского режима <...> преследования кончились, и русские греко-католики могли приступить к организации церковных приходов. Таковых имеется пока на великорусской территории только два (в Петрограде и Москве) с пятью священниками и группой верующих около 1000 человек. Кроме этих сформированных приходов имеются еще отдельные ячейки, разбросанные по разным городам Республики»³.

Это строки из "Прошения мирян греко-католической церкви", хранящегося в документах следственного дела о вскрытой в 1923–1924 годах органами ОГПУ "контрреволюционной организации" русских католиков Москвы и Петрограда. После очередного закрытия в декабре 1922 года церкви русских католиков в Петрограде прошение это было направлено Луначарскому, но, по-видимому, до адресата не дошло...

За деятельностью общин русских католиков в Москве и Петрограде органы ГПУ установили наблюдение с лета 1920 года, когда Патриарх Тихон публично объявил о своем сочувствии идее примирения Православной и Католической Церквей и благословил проведение открытых собраний с чтением лекций и дискуссиями на эту тему.

Идея примирения Православной и Католической Церквей воспринималась в обществе неоднозначно. Многие православные (отчасти в результате политики царского правительства, умышленно представлявшего Католическую Церковь как исключительно латинскую и даже польскую) были твердо убеждены, что "уния" это польская, иезуитская, папская хитрость, цель которой — обратить православных в католичество. Им возражал экзарх русских католиков отец Леонид ФЕДОРОВ —прекрасный оратор и проповедник:

«Главной целью мы считаем распространение и популяризацию самой идеи унии, распространение здравых представлений о католичестве и сближение с православным духовенством <...> Мы считаем, что соборное единство приведет к новому расцвету богопочитания в восточном обряде и усовершит его; догматы, исповедуемые Восточными Православными Церквями, должны оставаться неприкосновенными <...> Становясь христианами-католиками <...> мы остаемся православными как в литургической жизни, так и в миру: мы соединяем православие и католицизм»⁴.

В 1913 году в манифесте общины русских католиков "Наша программа", напечатанном в журнале "Слово Истины", объяснялось их отношение к православным и открыто провозглашалась любовь к России:

«Мы — плоть от ее плоти <...> мы живем ее национальной религиозной жизнью, мы чтим священные страницы нашей истории, чтим наших русских святых»⁵.

Идеей сближения Православной и Католической Церквей была пронизана жизнь основанного отцом Леонидом в первые послереволюционные годы в Петрограде женского ордена "Святого Семейства", "бщины сестер Святого Духа" и "Общества Иоанна Златоуста". В Москве же духовным центром русских католиков был дом отца Владимира и его жены Анны Ивановны АБРИКОСОВЫХ, где с дореволюционных времен действовала доминиканская община сестер-монахинь и после 1918 года начала создаваться доминиканская община братьев-монахов. И здесь в 1919 – 1922 годах проходили регулярные собрания, в которых принимали участие священнослужители — католики и православные, а также и

³ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1924 // ЦАФСБ РФ.

⁴ Wenger A. Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 62.

ведущая столичная профессура. Об этих собраниях в ГПУ регулярно доносил "добровольный помощник"⁶. Приведем выдержки из его донесений:

«<...> группа профессоров у АБРИКОСОВА занимается главным образом вопросами сохранения Церкви и упрочения ее могущества. Наблюдением за этой группой установлено следующее: <...> 27-го февраля на квартире АБРИКОСОВА происходило заседание, посвященное покойному Папе Римскому, причем, присутствующие были весьма рады, что новый Папа — ярый враг большевиков <...> В четверг 4-го мая <...> решено пропагандировать идеи единого антисоциалистического духовного фронта путем организации бесед на эти темы и сплочения одинаково мыслящих в группы <...> также решено <...> вести осторожно-умелый подбор сочувствующих, которым не открывать имен»⁷.

Сколько было правды в его сообщениях, мы не знаем, но результат не замедлил сказаться: в апреле 1922 года была арестована большая группа православных священников, активно посещавших собрания на квартире АБРИКОСОВЫХ. Документов о том, как велось следствие, какие методы давления применялись чекистами к арестованным на допросах, в деле нет. Мы располагаем лишь показаниями обвиняемых, которые следователи позднее будут использовать на процессе против русских католиков:

«Беседовавшие с нами католические богословы и не скрывали своего желания подчинить нас католикам—иезуитам (и что то же — Папе Римскому), уже одно это, по моему разумению, означало, что они хотели втянуть и нас в политику <...> он⁸ высказал мысль создания единого антисоциалистического фронта для борьбы с неверием и большевиками под руководством или главенством Папы Римского, говорил о создании ячеек верующих, которые и составляют фундамент для организации борьбы с социалистическими идеями»⁹.

По-видимому, именно донесения "наблюдателя" и свидетельства арестованных православных священников послужили основанием для ареста в сентябре 1922 года священника Владимира АБРИКОСОВА и вынесенного ему приговора — "высшая мера наказания". Однако этот приговор был заменен "бессрочной высылкой за границу". 29 сентября 1922 года отец Владимир навсегда покинул Россию.

О положении Московской общины русских католиков после высылки отца Владимира говорят строки из посланного мужу в Рим письма Анны Ивановны АБРИКОСОВОЙ, добровольно оставшейся в России и взявшей на себя руководство общиной:

«Я в полном смысле слова одна, с полуодетыми детьми, с разрывающимися на части сестрами, с юным, чудесным, святым, но таким молодым священником о<тцом> Николаем¹⁰, который сам требует поддержки, с растерянными прихожанами, сама ожидая ареста, т<ак> к<ак> во время обыска забрали все наши уставы и правила»¹¹.

Действительно, сестры просто "разрывались": давали уроки приходским детям, переводили и переписывали книги западных авторов, читали их вместе с

⁶ Из вышедших в наше время воспоминаний стало теперь известно имя этого молодого человека, изъявившего желание стать католиком-монахом и обратившего на себя внимание сестер-монахинь "особым благочестием".

⁷ Следственное дело А.И. АБРИКОСОВОЙ. 1924 // Там же.

⁸ Имеется в виду отец Владимир Абрикосов.

⁹ Следственное дело А.И. АБРИКОСОВОЙ. 1924 // Там же.

¹⁰ Отец Николай АЛЕКСАНДРОВ.

¹¹ Василий, диакон ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. М, 1992. С. 158.

прихожанами, ухаживали за больными, в общинной кухне кормили голодающих стариков — бездомных католиков. На их попечении находились еще и около десятка детей. Большого внимания требовала и община молодых монахов-католиков. На жизнь зарабатывали кто как мог — преподаванием, уборкой, шитьем. Все же это были не самые тяжелые времена.

5 декабря 1922 года власти закрыли все католические храмы Москвы и Петрограда, разнеслись слухи о предстоящем групповом процессе католиков. В конце декабря отец Леонид ФЕДОРОВ, предвидя свой возможный арест и готовя к такой же участи Анну Ивановну Абрикосову, писал ей:

«События развиваются весьма быстро и не в нашу пользу <...> Петроградское правительство предъявило свое veto, основываясь на том, что Католическая Церковь — это ячейка контрреволюционных организаций. Чтобы оправдать этот поклеп против нас, устраивается громкий процесс. Мы обвиняемся: в контрреволюции, злостной агитации, в устройстве организаций для свержения советской власти, в использовании религиозных предрассудков народных масс для этой же цели. <...> Привлеченным к суду грозит "высшая мера наказания" за систематическое сопротивление советской власти, т<о> е<сть>. расстрел. Кроме того, конечно, тюрьма и ссылка <...> Во всяком случае, если придет телеграмма на Ваше имя со словом "да", это будет значить, что я арестован <...> Когда потом придет вторая телеграмма со словом "приезжайте", то нужно, чтобы кто-нибудь привез сюда эти деньги <...> Много надежды на молитвы Ваши, Ваших сестер и о<тца> Николая, а также и многих из числа прихожан. Не оставьте! С глубочайшим уважением и преданностью»¹².

Предстоящий арест не страшил отца Леонида. 7 марта 1923 года он писал своему духовному руководителю митрополиту Андрею ШЕПТИЦКОМУ:

«Если дело дойдет до расстрелов, то жертвой, может быть, буду и я, чего мне, каюсь Вам, очень хотелось. Я убежден, что, если прольется наша кровь и, притом, в возможно большем количестве, то это будет самое лучшее <...> иначе мы будем не жить, а прозябать среди нашего темного, беспросветного "советского" быта»¹³.

В марте 1923 года тринадцать католических священников-латинян с архиепископом Яном ЦЕПЛЯКОМ во главе и экзарх русских католиков Леонид ФЕДОРОВ были арестованы. 23 – 26 марта в Москве прошел судебный процесс над "участниками контрреволюционной организации" католиков. Отцу Леониду было предъявлено дополнительное обвинение в том, что он организовал протесты православного и католического духовенства против антицерковных мероприятий советской власти. Отец Леонид отказался от защитника, взяв эту роль на себя, и во время судебного процесса заявил, что ни о какой свободе совести при советской власти не может быть речи. Его резкие ответы и заключительное слово вызвали восхищение присутствующих в зале:

«Я руководствуюсь советскими законами постольку, поскольку они не противоречат моей совести <...> Совесть выше закона <...> хотя мы и подчиняемся советской власти вполне искренне, но смотрим на нее как на наказание Божие за грехи наши <...> Вся моя жизнь была построена на двух элементах: на любви к Родине, которую я обожаю, и на любви к Церкви, к которой я присоединился»¹⁴.

¹² Письмо Леонида Федорова А. Абрикосовой от 28 декабря 1922 года // Архив Медонского центра русских исследований. Ф. 19. Д. 6. С. 1.

¹³ Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 143, 145.

Твердое отстаивание идеи воссоединения Церквей Леонидом ФЕДОРОВЫМ вызвало гневную отповедь прокурора Крыленко, обвинившем его в создании общего фронта против коммунизма и стало причиной сурового приговора обвиняемому:

«Это он собрал вместе православных и католиков для противодействия власти. Это он устраивал общий фронт против коммунизма»¹⁵.

Громкий процесс, по глубокому убеждению отца Леонида, послужил только к торжеству движения русских католиков, об этом он писал из Лефортовской тюрьмы после своего осуждения:

«Среди латинских сутан и бритых лиц выделялась моя борода, вызывая всеобщее недоумение: что же это такое, значит, и ТАКИЕ католики бывают. Стоустая молва через газеты пронесла теперь в самые укромные уголки России отголоски процесса, а вместе с тем и рассказы о Русской Католической Церкви и ее экзархе. Это уже теперь неотъемлемый исторический факт. Так как я уже знал, что мы обречены, заранее, и что ни о какой справедливости на суде речи быть не может, то старался с честью выйти из создавшегося положения»¹⁶.

Заметим, что после завершения группового процесса отношение местных властей к русским католикам стало более жестким, чем к католикам-латинянам. Когда летом 1923 года открылись все ранее опечатанные католические храмы Петрограда, церковь Св. Духа приходской общины русских католиков так и осталась закрытой. На неоднократные просьбы верующих о ее открытии был получен категорический отказ представителя власти, который заявил:

«ФЕДОРОВ слишком опасный человек <...> в подлую федоровскую церковь пойдут миллионы, пойдут в католическую интернациональную организацию! Не просите, вопрос решен: церковь будет ликвидирована»¹⁷.

Ожидание приближающегося ареста постоянно тревожило и Анну Ивановну АБРИКОСОВУ. Из ее писем в Рим ясно видно, что она предвидела свое и сестер-монахинь будущее и готовилась к неизбежному:

«Христос хочет теперь в России только отдельных жертв, идущих на полное заклятие, вроде сестер. Так что, мне кажется, теперь не время каких-то мер, а время только рыцарства и святости, а главное — жертвы и смирения <...> Послушание до крестной смерти и смирение — вот те две добродетели, которые я проповедую сестрам»¹⁸.

Ее предвидение скоро оправдалось. С 12 по 16 ноября 1923 года в Москве была арестована группа русских католиков: священник Николай АЛЕКСАНДРОВ, Анна Ивановна АБРИКОСОВА, Донат НОВИЦКИЙ, Владимир БАЛАШЕВ и девять сестер-монахинь. В "Постановлении на арест" причины их задержания были сформулированы так:

«С<екретным> О<тделом> ОГПУ произведены обыски и аресты лиц, возглавляющих общину греко-восточных католиков, во главе которой стояла гр<аждан>ка АБРИКОСОВА Анна Ивановна <...> Ликвидацию мы произвели на основании имеющихся агентурных сведений о том, что Московская община имеет тесную связь, во-первых, с АБРИКОСОВЫМ, находящимся в Риме, как представителем Папы, а, во-вторых, с кругами, собирающими материалы о положении в

¹⁵ Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С.. 165.

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 167.

¹⁸ Там же. С. 172.

Советской России, которые должны служить как обвинительный материал против СССР <...> Сведения эти собирались в России и переправлялись через иностранные миссии за границу. Произведенной операцией шпионская деятельность лиц, возглавляющих эту общину, вполне подтвердилась и выявила их тесную связь с экзархом Леонидом ФЕДОРОВЫМ, осужденным <...> на 10 лет и содержащимся в Лефортовской тюрьме»¹⁹.

Все арестованные сестры-монахини были помещены в одиночные камеры, чтобы пресечь между ними контакты в период следствия. Однако уже 16 ноября комендант тюрьмы докладывал в ГПУ о возникших трудностях:

«Согласно Вашей служебной записке, что прибывшие заключенные <...> должны быть изолированы друг от друга, что выполнить не представляется возможным по следующим соображениям <...> нет гарантий в том, что они не могут сноситься между собой, ибо они могут проделывать это посредством переговоров через форточки и дверные волчки, а тем более, что женский прогулочный двор находится перед окнами этих одиночек, то нет сомнения и в том, что <...> находящиеся в камерах заключенные могут подойти к окну и вести с ними разговоры через форточку»²⁰.

Комендант тюрьмы имел основания для подобного рапорта: арестованные действительно переговаривались, перестукивались по водопроводным трубам, сообщая, кто где сидит, кто допрошен, какие вопросы задают следователи, а главное, морально поддерживали друг друга. Многие сестры вообще отказались давать показания, касающиеся других сестер, и особенно их игуменьи Анны Ивановны, хотя такой отказ грозил увеличением срока наказания.

Пока в Москве шли допросы, в Петроград была направлена шифротелеграмма о необходимости проведения арестов и в Петроградской общине католиков:

«<...> считаю необходимым в самом срочном порядке (ранее, чем до них дойдут слухи о ликвидации в Москве) произвести самые тщательные обыски <...> Необходимо обнаружить и арестовать гр<ажданку> ДАНЗАС Юлию Николаевну (сестра Иустина), так как она является одним из серьезных руководителей, а также держала связь с экзархом ФЕДОРОВЫМ <...> Сообщите срочно в копиях добытое путем обыска»²¹.

17 ноября 1923 года были арестованы Юлия ДАНЗАС, священник Иоанн ДЕЙБНЕР, монахини Люция ЧЕХОВСКАЯ и Капитолина ПОДЛИВАХИНА. Но в Москве не успокоились, и 23 ноября в Петроград отсылается следующая шифротелеграмма:

«Главарей необходимо арестовать. В отношении остальных, в зависимости от активности, поступить по Вашему усмотрению <...> При обысках искать необходимо: разного рода письменные связи с другими городами, заграницей, экзархом ФЕДОРОВЫМ, разного рода вырезки из газет о фашистском движении, церковном движении, гонениях на Католическую Церковь»²².

Ответом сотрудников Петроградского ГПУ стали аресты 29 ноября католического священника Епифания АКУЛОВА и двух мирян-католиков. Всех арестованных отправили в Москву. А 10 января 1924 года были арестованы еще

¹⁹ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1924 // Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

шесть женщин-католичек, которых осудили уже в Петрограде. Аресты русских католиков продолжались и в Москве. Среди арестованных 5 декабря 1923 года и 8 – 10 марта 1924 года были и последние тринадцать сестер Абрикосовской общины.

Итак, обратимся к материалам следствия. "Дело" Анны Ивановны АБРИКОСОВОЙ начинается с "Анкеты арестованной", где на вопрос **«Ваше отношение к советской власти»**, — она ответила: **«К советской власти отношусь лояльно, ибо она дала возможность молиться на родном языке»**²³. Когда же речь шла о католических общинах, именах, адресах священников в других городах, Анна Ивановна неизменно отвечала — "не знаю", "не помню". Но о создании и цели католической общины монахинь ее настоятельница, Анна Ивановна, дала подробные показания:

«Цель общины — духовное совершенствование вступивших в нее путем молитвы, покаяния и серьезной работы над своими недостатками <...> Каждая сестра по собственному желанию могла путем особого акта посвятить себя определенной идее. Такие посвящения делаются исключительно с ведома старшей сестры, и никто из сестер об этом не знает. Например, ЕНТКЕВИЧ своим актом посвятила себя идее спасения России. Под термином "Спасение России" мы понимаем спасение душ русских людей»²⁴.

О своей переписке с мужем и о созданном им в Риме "Комитете русских католиков", который органы ГПУ считали **«контрреволюционной организацией для борьбы с советской властью»**, она показала следующее:

«Я посылала ему, кроме писем, газеты и вырезки из газет с целью информации о<тца> Владимира, как трактуют в Советской России вопросы духовной жизни <...> Извещение об образовании в Риме "Комитета русских католиков" во главе с моим мужем В<ладимиром> АБРИКОСОВЫМ <...> я получила от о<тца> Владимира в начале 1923 года <...> о<тец> Владимир писал, что комитет этот образован для русских, живущих за границей, чтобы они могли сохранить свой восточный обряд и предохранить их от облатинивания»²⁵.

В качестве доказательства вины Анне Ивановне были предъявлены найденное при обыске у Владимира БАЛАШЕВА "Открытое письмо тридцати русских католиков", в котором подробно описывались преследования верующих в России, и многочисленные вырезки из газет об арестах как католиков, так и православных. Касаясь найденных документов, Владимир БАЛАШЕВ на допросе заявил:

«Найденные у меня вырезки из газет я собираю, т<ак> к<ак> интересуюсь положением Православной Церкви <...> вырезки предназначены для отправки Римскому Папе»²⁶.

Изъятое "Открытое письмо тридцати русских католиков", которое, по заявлению Анны Ивановны, предназначалось для отправки в Рим, дало следствию возможность выдвинуть обвинение в том, что **«в общине печатались и распространялись письма нелегального характера»**. Кроме того, следователи активно старались доказать и **«террористические намерения руководителей общины»**, согласно материалам допросов сестер-монахинь. Вот, например, выдержка из протокола допроса сестры Анны СЕРЕБРЯННИКОВОЙ:

²³ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1924 // Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

«Скажите, если Вам Ваше духовное начальство велит сделать какое-либо дело, выходящее из рамок духовного отношения, например, стрелять в кого-нибудь или в этом роде, Вы должны, согласно Вашим правилам, безропотно подчиниться?»

— Никогда мне духовное начальство не может дать такого распоряжения, и, вообще, такие распоряжения чужды всему укладу нашей жизни. Никогда не давались мне такие распоряжения, и не хочу даже себе представлять, чтобы давалось что-либо подобное»²⁷.

Подобные вопросы, задававшиеся на следствии практически всем сестрам общины, возникли, очевидно, и в связи с пространными показаниями активного "брата-монаха", выступившего в качестве "свидетеля":

«Относительно общего характера воспитания в общине нужно отметить строгую дисциплинарную подчиненность всех сестер игуменье общины и готовность, не рассуждая и пунктуально, выполнять каждое ее приказание <...> Из бесед я убедился в строгой солидарности всех отдельных мнений по ряду различных церковных вопросов, а также в известном характере сагитированности этих лиц в смысле согласия в любой момент в любом виде подчиняться требованиям Церкви. При этой системе весь организм мог успешно скрывать любую, постороннюю целям монастыря деятельность»²⁸.

Версию следствия — создание нелегальной организации для борьбы с советской властью — подтверждали и вынужденные, возможно, написанные под диктовку следователя показания некоторых уже осужденных православных священников, посещавших собрания в квартире АБРИКОСОВЫХ:

«Означенные лица представляли из себя организацию, которая своими действиями способствовала мировой контрреволюции, выразившейся <...> в организации контрреволюционного похода против советской власти <...> На собрание говорилось о создании ячеек из 3–5 человек верующих, которые составляют базу организации для борьбы с социалистическими идеями»²⁹.

Итак, вина подсудимых была "доказана". 19 мая 1924 года по Постановлению Коллегии ОГПУ Анна Ивановна АБРИКОСОВА, «как руководительница Московской контрреволюционной организации, имевшей связь с Высшим монархическим Советом за границей», была приговорена по статьям 61 и 66 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения.

Тот же срок получили священники Николай АЛЕКСАНДРОВ, Иоанн ДЕЙБНЕР, Епифаний АКУЛОВ, Владимир БАЛАШЕВ и Донат НОВИЦКИЙ, а также активные сестры-монахини Юлия ДАНЗАС, Анна СЕРЕБРЕННИКОВА и Капитолина ПОДЛИВАХИНА. Остальные сестры были приговорены к ссылке на срок от 3 до 5 лет. Ни одна из осужденных не подписала отречения от католичества. Общее настроение соединенных перед этапом в пересыльной камере сестер передают слова Анны Ивановны, записанные одной из них:

«Вероятно, каждая из вас, возлюбив Господа и следуя за ним, не раз в душе просила Христа дать ей возможность соучаствовать в Его страданиях. Так вот, этот момент теперь наступил. Теперь осуществляется ваше желание страдать ради Него»³⁰.

²⁷ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1924 // Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С. 174.

В июне 1924 года был арестован последний в Петрограде священник русских католиков отец Алексей ЗЕРЧАНИНОВ. С отправкой его в ссылку в Сибирь община русских католиков в Петрограде почти прекратила свое существование.

В Московской общине на свободе остались три сестры: тяжело больная Татьяна ГАЛКИНА, освобожденная от наказания из-за болезни, Александра БАЛАШЕВА, оставленная органами ГПУ для ухода за больной, и последняя из поступивших в общину сестер, Нюра ЗОЛКИНА. Эти женщины делали все, чтобы облегчить участь осужденных, посылая деньги и продукты в политизоляторы, на Соловки, в места поселений.

В сентябре 1926 года сестер и братьев-доминиканцев, не арестованных по Абрикосовскому делу, посетил епископ Пий НЕВЕ. Об этом визите он написал в Рим отцу Владимиру АБРИКОСОВУ:

«<...> я нашел их в хорошем настроении, преданных Католической Церкви, самоотверженно облегчающими участь сирот и узников Христа, которые, как мы знаем, счастливы пострадать за дело Папы. Мы всенародно молились о них <...> Я успел передать необходимые средства в момент, когда сообщение с Соловками прерывается на долгие зимние месяцы, и будет невозможно послать туда даже малейшее утешение исповедующим нашу святую веру»³¹.

Тем временем кампания против католического духовенства охватила всю страну. Священнослужителей неизменно обвиняли в “шпионаже” в пользу иностранных держав, и, надо сказать, чекистам удавалось получать признательные показания арестованных. Особый размах кампания приобрела на Украине.

Похоже, именно чекистами было проиницировано открытое письмо Папе Римскому католического священника восточного обряда Николая ТОЛСТОГО, служившего в костеле Одессы. Опубликованное вначале в газете “Известия Одессы”, 7 января 1926 года письмо было перепечатано газетой “Известия”. В редакционном вступлении, предваряющем публикацию, говорилось:

«В этом письме католический священник сообщает о непонятных действиях <...> польского духовенства, которое полностью подчинило себе Восточную Церковь, подавляет все духовенство, превратило Церковь в орудие политической борьбы и посредством латинизации полонизирует Церковь»³².

Далее в письме отца Николая утверждалось, что Католическая Церковь должна держаться в стороне от политики, однако на Украине ксендзы служат проводниками политики Польши. Поэтому, он вполне разделяет отношение властей к таким священнослужителям и согласен с их арестом и осуждением, ведь действительно:

«Какое правительство будет терпеть подобных лиц, которые, будучи служителями культа, одновременно являются тайными политическими агентами соседнего государства? Можно ли их считать мучениками в случае их законного наказания за их подпольную агитацию? При помощи своего деморализующего влияния и иностранных денег они сбивают с толку наших священников, которые материально зависят от них»³³.

³¹ Wenger A. Указ. соч. С. 165.

³² Там же. С. 135.

³³ Там же. С. 135.

Отец Николай Толстой подтвердил, что служит священником уже тридцать пять лет, что неоднократно был подвергнут царским правительством высылкам за неустанные старания заключить союз между Православной и Католической Церквями и что за это не раз получал благословение и благодарность из Ватикана. Завершая письмо уверениями, что в настоящий момент сложились весьма благоприятные обстоятельства для воссоединения Церквей, отец Николай предлагал для реализации заветной цели назначать епископов непосредственно из Рима, чтобы исключить зависимость российского духовенства от агентов Польши.

Следствием этого обращения стало требование властей ко всем католическим священнослужителям и приходским общинам немедленно подписать заявления с осуждением арестованных ксендзов, обвиненных в шпионаже. Когда же один из одесских священников упрекнул отца Николая в низости его поступка, тот объяснил: **«Я написал Святейшему Отцу; я знаю, что он получил мое письмо; он не ответил, но я смогу принудить его ответить мне»**³⁴. Маловероятно, что за открытым письмом отца Николая стояло только его уязвленное самолюбие, хотя амбиции его были велики. Но главное, что это письмо было использовано чекистами в полной мере и в самый благоприятный момент, чтобы провести массовые аресты ксендзов на Украине, причем с **«одобрения общественности»**.

Показательна реакция на этот поступок отца Николая католического священника в Макеевке Донецкой области отца Эжена НЕВЕ, тайно возведенного позднее в сан епископа Пия НЕВЕ. Он оценил поступок Николая Толстого как **«предательство и отступничество»** и с тех пор относился к нему с большим недоверием. Отметим лишь, что в 1928 году, по причинам личного характера, отец Николай **«снял с себя сан»** и прекратил служить в храме.

* * *

В феврале 1926 года скончалась сестра Абрикосовской общины Татьяна ГАЛКИНА, а летом 1927 года была арестована, осуждена и отправлена на 3 года в Соловецкий лагерь особого назначения сестра общины Александра БАЛАШЕВА. Заботы об осужденных взяла на себя последняя оставшаяся на свободе сестра общины Нюра ЗОЛКИНА.

Около тридцати пока еще не арестованных русских католиков в Москве объединились вокруг католического священника Сергея СОЛОВЬЕВА, племянника Владимира СОЛОВЬЕВА, также посвятившего себя делу единения Церквей. Официально отец Сергей не был зарегистрирован в качестве священника, как и его католическая община, но был достаточно известен в церковных кругах: его приглашали совершать богослужения, на его службах часто присутствовали епископы, ему исповедались многие верующие. О том, как создавалась его община, отец Сергей рассказал подробно на допросе 16 февраля 1931 года:

«Из года в год мною принимались новые члены общества. Они собирались у меня на квартире, кроме того, на квартирах других восточников. Часто беседовали на текущие политические и экономические темы. Кроме того, мы обсуждали, делились впечатлениями о положении заключенных и высланных восточников, имея в виду организацию им материальной помощи»³⁵.

³⁴ Wenger A. Указ. соч. С. 135.

³⁵ Следственное дело С. М. СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ.

Епископ Пий НЕВЕ познакомился с отцом Сергием в 1926 году и после первой же встречи писал о нем в Рим: **«У меня сложилось хорошее впечатление от его первых высказываний»**³⁶. Они стали переписываться, а после переезда Пия НЕВЕ в Москву — и встречаться. 18 октября 1926 года отец Сергий, в отсутствие экзарха Леонида ФЕДОРОВА, был назначен вице-экзархом русских католиков, о чем на допросе он показал так: **«НЕВЕ выдвинул перед Римом мою кандидатуру и после санкции, полученной из Рима, предполагаю через французское или итальянское посольство, передал мне о моем назначении»**³⁷. По просьбе епископа настоятель собора Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на Малой Грузинской улице позволил отцу Сергию совершать литургию по восточному обряду на боковом престоле своего храма.

В апреле 1926 года был досрочно освобожден из тюрьмы экзарх русских католиков Леонид ФЕДОРОВ, но с запретом проживания в 6 крупных городах страны в течение трех лет. Местом жительства отец Леонид выбрал Калугу, где настоятелем католического храма служил знакомый ему ксендз. При одном из посещений Москвы отец Леонид встретился со священником Сергием Соловьевым и членами его общины и остался **«очень доволен его священническим подвижничеством в это тяжелое время»**³⁸. Но на свободе Леонид ФЕДОРОВ пробыл недолго. Его активная пасторская деятельность в Калуге и особенно при посещении прихожан в Могилеве, центре униатского движения, где его восторженно приняли, как **«униатского владыку»**, опять привлекла внимание чекистов. 1 августа 1926 года он был арестован в Могилеве, вывезен в Москву и заключен в тюрьму. 6 октября 1926 года он был приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен по этапу в Соловецкий лагерь особого назначения.

* * *

Один из последних остававшихся на воле католических священников восточного обряда, отец Потапий ЕМЕЛЬЯНОВ был арестован 27 января 1927 года в своем приходе, в селе Нижняя Богдановка Донецкой области, где католическая община была зарегистрирована уже в 1918 году. При обыске у него изъяли письма епископа Пия НЕВЕ, многие строки которых послужили основанием для обвинения отца Потапия в **«контрреволюционной деятельности»**. Вменялось ему в вину и многократное получение материальной помощи от Ватикана через епископа Пия НЕВЕ. На допросе отец Потапий объяснил, что передавал в голодные годы деньги и продукты своим прихожанам — крестьянам села Нижняя Богдановка, и факта получения помощи не отрицал: **«В 1922 г<оду> в СССР приезжала Папская миссия, один из представителей которой находился в Ростове. От него я получал периодически материальную помощь не только деньгами, но и продуктами питания, и одеждой»**³⁹.

Однако следствие помощь нуждающимся крестьянам квалифицировало как подкуп православных с целью обращения их в католическую веру, и чекистам удалось получить необходимые показания нескольких крестьян-**«свидетелей»**, вошедших в материалы следственного дела отца Потапия. 12 сентября 1927 года по Постановлению Коллегии ОГПУ Потапий ЕМЕЛЬЯНОВ был приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

³⁶ Wenger A. Указ. соч. С. 165.

³⁷ Следственное дело С. М. СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ.

³⁸ Wenger A. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Следственное дело П. А. ЕМЕЛЬЯНОВА // Архив ЦГАОО Украины.

* * *

В апреле 1928 года, используя материалы следственных дел отца Потапия и его прихожан, а также донесения своих "добровольных помощников", в своем отчете украинские чекисты доказывали начальству в Москве необходимость расширения агентурной работы в католических приходских общинах и увеличения расходов на вербовку ксендзов и верующих, утверждая:

«В последнее время мы располагаем неопровержимыми данными о том, что Ватикан занялся усиленной работой по распространению унии в СССР, ставя себе, как конечную цель, соединение православной и католической Церквей для того, чтобы создать единую контрреволюционную Церковь. Свою работу Ватикан проводит через специально назначенного нелегального епископа, ассигнуывая для этой цели колоссальные средства, которыми священнослужители оперируют в виде раздачи денежных средств священнослужителям, желающим переходить в унию <...> Этим преследуется цель соблазнить православное духовенство и верующих и заинтересовать их материально»⁴⁰.

Справедливость этого утверждения чекистов в скором времени было подтверждено, а позднее и отразилось в материалах следствия по делу Соловьевской общины русских католиков. В начале 1928 года, после провозглашения митрополитом Сергием (СТРАГОРОДСКИМ) знаменитой Декларации о лояльности Православной Церкви советской власти, произошел раскол духовенства на два лагеря. У священника Сергия СОЛОВЬЕВА возникла идея объединения русских католиков с православными священниками, открыто отошедшими от митрополита Сергия.

Для осуществления замысла он составил по этому поводу обращение, распечатал во множестве копий на пишущей машинке, собираясь распространять его по Москве и в других городах:

«Свою декларацию к "иосифовцам"⁴¹ я составил с призывом к присоединению "иосифовцев" к Риму. Хотя обе эти силы стоят на разных религиозных позициях, но, учитывая их враждебное отношение к сов<етской> власти, я рассчитывал, что именно это враждебное отношение и Рима, и "иосифовцев" к сов<етской> власти может их объединить для общей борьбы с сов<етской> властью <...> Это обращение я понес на санкцию к епископу НЕВЕ, но тот счел, что обращение является несвоевременным и опасным лично для меня, а также и для других»⁴².

Епископ Пий НЕВЕ, расценивший действия отца Сергия как безрассудство, забрал у него все копии и сжег, не подозревая, что тот сохранил у себя два экземпляра, один из которых был найден при обыске у знакомых отца Сергия и стал поводом для обвинения их в антисоветской деятельности. Через три года на следствии отец Сергий вынужден будет оценить составление такого обращения и попытку распространения его как **"крупный факт антисоветской деятельности"**. Но для следователя, ведущего позднее дело общины русских католиков во главе с отцом Сергием, важнее всего в его признаниях стало

⁴⁰ Смета расходов на работу ГПУ среди религиозных группировок на первое полугодие 1928 года // Архив ЦГАОО Украины. Ф. 16. Оп. 2. Д. 34. С. 96.

⁴¹ "Иосифовцы" или "иосифляне" — сторонники митрополита Иосифа (ПЕТРОВЫХ), выступившего против Декларации митрополита Сергия (СТРАГОРОДСКОГО).

⁴² Следственное дело С. М.СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ.

свидетельство постоянного руководства его деятельностью епископом Пиетом НЕВЕ. Но все это будет позднее.

20 февраля 1929 года были арестованы два священника, служивших в соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на Малой Грузинской улице — Карл ЛУПИНОВИЧ и Михаил Цакуль вместе с тремя активными прихожанами⁴³, где молились на службах отца Сергия члены его общины. Обвиненных в шпионаже и участии в **"контрреволюционной организации"** священников, однако, 3 мая уже освободили **"под подписку"**, а дело прекратили. С этого момента отцу Сергию в совершении служб в этом храме было отказано, очевидно, по указанию чекистов. Заметим к тому же, что позднее вымышленные показания этих **"добровольных помощников"** чекистов будут фигурировать в материалах следствия многих групповых дел по русским католикам, как показания **"свидетелей"**.

Отец Сергий со своей общиной оказался в сложном положении: совершать службы в московских православных храмах он не решался, так как могли пойти разговоры о его возвращении в православие, а первое же богослужение в католическом храме Св. Людовика, где настоятелем был епископ Пий НЕВЕ, могло закончиться арестом. Оставался единственный выход — совершать службы в православных церквях под Москвой у знакомых священников (его бывших студентов), которые приняли бы его. Однако это порождало большие трудности для членов его общины, поэтому-то редкие встречи членов общины на квартире отца Сергия — единственная возможность общения — были так важны для них. 15 февраля 1931 года священники Сергей СОЛОВЬЕВ и Александр ВАСИЛЬЕВ, а также восемь членов общины русских католиков⁴⁴ были арестованы. Первые же вопросы на следствии касались финансовой помощи из Ватикана, и отец Сергий не отрицал факта получения денег для общины:

«Источники получения средств для помощи з<а>ключенным» — от НЕВЕ. НЕВЕ давал нам средства ежемесячно, систематически, из заграничных источников»⁴⁵.

Получение денег от епископа Пия НЕВЕ, представителя Ватикана, давало следствию возможность разыграть карту шпионажа и интервенции, поэтому-то так важны были показания, что деньги передавались в обмен на шпионскую информацию в пользу Ватикана и Франции. И нужные показания дал свидетель из числа "добровольных помощников" чекистов:

«СОЛОВЬЕВ в беседах со мной проявлял исключительную осведомленность о важнейших политических фактах в СССР <...> Он имеет интересные знакомства среди инженеров и профессуры и православного духовенства, и эти знакомства СОЛОВЬЕВ использует в целях получения ряда сведений и передачи их НЕВЕ <...> а от НЕВЕ получал исчерпывающие указания <...> Вся эта община восточников рассматривалась НЕВЕ, как одна из вспомогательных сил, **долженствующих помочь Франции в ее деятельности против СССР»⁴⁶.**

Следует заметить, что с самого начала следствия Сергей СОЛОВЬЕВ начал подписывать самые тяжелые обвинения против себя, а также и против членов своей общины. В воспоминаниях выживших сестер общины причинами такого

⁴³ СРЕБАЛИС Франц Францевич, ТЫШМАН Анна Иосифовна, СРЕБАЛИС Франц Францевич (скончался во время следствия).

⁴⁴ БУРВАССЕР Виктория Львовна, ГАРДНЕР Клавдия Матвеевна, ЗОЛКИНА Анна Ивановна, МАЛИНОВСКАЯ Екатерина Антоновна, НОВИЦКАЯ Анатолия Ивановна, ПОЛИБИНА Людмила Николаевна, РУБАШОВА Нора Николаевна, САПОЖНИКОВА Валентина Аркадьевна.

⁴⁵ Следственное дело С. М.СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁴⁶ Там же.

поведения и последующей душевной болезни священника назывались постоянные угрозы арестовать его дочерей и лживые уверения следователя о расстреле епископа Пия НЕВЕ. Но материалы следствия и слова, сказанные отцом Сергием его близким после освобождения — «Я всех предал»⁴⁷ — говорят о его душевном сломах с первых же допросов.

В материалах следствия по делу отца Сергия находится акт медицинской комиссии от 10 мая 1931 года о состоянии здоровья СОЛОВЬЕВА Сергея Михайловича: «**нервно-психическое расстройство. Нуждается в специальном лечении, которое в настоящее время начато в больнице при Бутырском изоляторе**»⁴⁸. Очевидно, именно в таком состоянии были написаны 6 августа 1931 года отцом Сергием два варианта письма-отречения, чего добивалось от него следствие. Приведем выдержку:

«Я, СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович, вице-экзарх восточно-католической Церкви в СССР, не желаю больше иметь никакой связи с ксендзами, католиками-поляками, ибо их деятельность бывает направлена под прикрытием религии против СССР <...> Кроме того, не желаю иметь связи с епископом НЕВЕ, иностранным подданным, ибо епископ НЕВЕ, которого я всегда уважал и считал, как человека высокой духовной жизни, кроме этого играет определенную роль как представитель буржуазной Франции»⁴⁹.

Обвинения, подписанные против себя Сергеем СОЛОВЬЕВЫМ, читать тяжело; но именно таких показаний и ждали от него следователи, о чем свидетельствует сделанное ими подчеркивание строк:

«Я не принадлежу к толстовцам и в беседах указывал моим единомышленникам, что Христос на землю принес не только мир, но и меч. Одним из исходов из создавшегося тяжелого положения Католической Церкви в СССР мне представлялась интервенция, о которой я беседовал с моими единомышленниками, хотя всегда считал, что интервенция связана с большим злом»⁵⁰.

Обращение в католическую веру молодых девушек-евреек, тайное принятие под защиту Ватикана православного священника Александра ВАСИЛЬЕВА — вот те обвинения, которые подтверждал на допросах Сергей СОЛОВЬЕВ. Подписанные им протоколы следователи предъявляли на допросах его духовным чадам, и это ставило их в безвыходное положение, ибо они полностью отрицали любые обвинения в адрес своего пастыря.

Об отце Александре ВАСИЛЬЕВЕ надо рассказать подробнее. Очевидно, следить за ним начали задолго до ареста: в материалах следственного дела есть донос на него от 3 октября 1923 года. Приведем выдержку из этого документа: «**Священник ВАСИЛЬЕВ А. П. 5 января 1923 во время всенощной выступал с проповедью, в которой, обращаясь к гражданам, сказал: "Если вас сейчас давят, чада мои, то это недолго будет, потерпите, молитесь царице небесной, и она вам поможет освободиться от давящего вас ига"**»⁵¹.

Отец Александр присутствовал на многих встречах Сергия СОЛОВЬЕВА с епископом Пием НЕВЕ, часто бывал в храме Св. Людовика на службах, и ему трудно было отрицать знакомство со многими членами Соловьевской общины — как явными, так и тайными католиками. В его показаниях на следствии названы

⁴⁷ Wenger A. Указ. соч. С. 250.

⁴⁸ Следственное дело С. М. СОЛОВЬЕВА // Там же.

⁴⁹ Следственное дело С. М. СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ .

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

эти имена, уже знакомые чекистам по доносам "добровольных помощников". Приведем выдержки из показаний Александра ВАСИЛЬЕВА:

«Во время многочисленных визитов к епископу НЕВЕ меня крайне поражала отличная осведомленность НЕВЕ в делах православной Церкви. Такая осведомленность могла являться только результатом наличия у НЕВЕ информаторов из среды православных священников. Предполагаю, что такими информаторами являлись настоятель Петровского монастыря епископ Варфоломей и СОЛОВЬЕВ С. М. НЕВЕ, говоря об этих лицах, неизменно отзывался о них с большой похвалой и одобрением»⁵².

В материалах следственного дела есть документ, написанный рукой отца Александра, по-видимому, перед предъявлением ему окончательного обвинения. Это то самое "отречение от веры", которого так упорно добивались чекисты, гарантируя при этом заменить расстрел лагерным сроком:

«Я считаю, что сов<етская> власть, в лице ее органов ОГПУ, сделала хорошо, арестовав меня, ибо арест дал мне возможность впервые за много лет, быть может, в первый раз в жизни остаться с самим собой и оценить свою жизнь и свои действия. Я задаю себе первый вопрос: в той исполинской борьбе — меньшинства богатых, сытых, праздных и огромного подавляющего большинства, имеющих лишь руки для добывания хлеба, — где мне быть? Против кого я стану? Для меня вопрос так решен. Навозом, пушечным мясом, как хотят сделать меня иностранные буржуа, духовенство всех религий, я не хочу быть»⁵³.

В противоположность священников, духовных пастырей общины русских католиков во главе с отцом Сергием, поведение сестер-монахинь во время следствия говорят об их удивительной стойкости на допросах. Приведем выдержки из протоколов их допросов:

«Считаю необходимым заявить о своем враждебном отношении к сов<етской> власти. Я считаю, что коммунизм несовместим с христианством, между ними — борьба, и в этой борьбе я всецело на стороне христианства против коммунизма. Борьба сов<етской> власти с религией и "религиозным дурманом", как выражаются коммунисты, также заставляет меня относиться враждебно к сов<етской> власти» — из показаний Норы РУБАШЕВОЙ.

«На мне лежала помощь восточным священникам, сосланным сов властью на Соловки за контрреволюционную деятельность и шпионаж. Я же лично и все восточники считали, что они сосланы не за контрреволюционную деятельность и шпионаж, а за религиозную деятельность, и расцениваем это как гонение на религию» — из показаний Анатолии НОВИЦКОЙ.

«Кто именно меня крестил и где происходило крещение, назвать отказываюсь» — из показаний Виктории БУРВАССЕР⁵⁴.

Последние слова принадлежат арестованной студентке юридического факультета МГУ, перешедшей под руководством отца Сергия из иудаизма в католичество в марте 1923 года. 9 апреля 1931 года был составлен акт о ее

⁵² Там же.

⁵³ Следственное дело С. М. СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ

⁵⁴ Там же.

смерти после операции в тюремной больнице, а 2 мая дело было прекращено — **"за смертью обвиняемой"**.

Настроение сестер-монахинь Соловьевской общины очень точно выражают строки из письма Валентины САПОЖНИКОВОЙ, посланного ее духовной дочери, новообращенной католичке:

«Чем дальше, тем больше крест усугубляется, и тем более нужно готовиться на все до конца. Крест, да еще такой, как страдать за Господа Бога, за веру, нечто столь великое, чего мы не достойны, и только по милосердию Своему и исключительной любви к нам Господь нам его дарует»⁵⁵.

1 августа 1931 года всем арестованным было предъявлено "Обвинительное заключение", а 18 августа Коллегия ОГПУ приговорила: Александра ВАСИЛЬЕВА — к 10 годам ИТЛ, сестер общины — к 3 – 5 годам ИТЛ или ссылки.

Что касается отца Сергия СОЛОВЬЕВА, то он сначала был приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на высылку в Казахстан, но 30 августа 1931 года, согласно акту медицинской комиссии, — **«как душевно больной хроник должен быть направлен в психиатрическую колонию для лечения и содержания»⁵⁶**. На основании этого акта 7 октября он был освобожден от отбытия наказания, а 23 октября выдан родственникам. Извещенный о болезни отца Сергия епископ Пий НЕВЕ сообщил об этом в Рим в письме от 31 августа 1931 года, заметив:

«Да будет Господь милостив к нему. Это был мужественный человек! Единственный священник, который был предан мне <...> Какая мука видеть, что столько людей страдает из-за меня и на протяжении стольких лет!»⁵⁷.

* * *

Анна Ивановна Абрикосова содержалась сначала в Екатеринбургском изоляторе, затем — в Тобольском; а в 1931 году она была переведена в Ярославский политизолятор. О своем знакомстве там с Анной Ивановной и долгих беседах с ней рассказала позднее в своих воспоминаниях Надежда Витальевна Суровцева, также прошедшая тяжкий путь тюрем, лагерей и ссылок. Называя своих товарищей, соседей по камере слева, она отметила, что это были:

«<...> ученая филологиня из Москвы, которая в свое время присоединилась к католицизму и наиболее интересная из всех женщин — Анна Ивановна АБРИКОСОВА. Она была значительно старше меня, да и всех нас, ее уважали и, как будто, побаивались. Глубоко образованная (окончила Оксфордский университет), из старинной московской культурной семьи, она уже много лет провела в тюрьмах, а к нам была переведена, кажется, из Тобольска. Имела она десятилетний срок, в то время максимальный <...>

Была она большой российской патриоткой, но человеком глубоко религиозным и считала, что католицизм — самое последовательное из христианских учений. Она много читала, прекрасно знала иностранные языки <...> Помню, она давала мне читать превосходное английское издание Библии <...> Тем временем шел тридцать второй год. Письма с воли проникали с большим отбором, газеты об этой стороне жизни⁵⁸ молчали, или же мы не умели их читать. Анна Ивановна АБРИКОСОВА заболела, выявили рак, и ее повезли в Москву на операцию.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Следственное дело С. М.СОЛОВЬЕВА и других // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁵⁷ Wengler A. Указ. соч. С.5.

⁵⁸ О голоде на Украине.

Операцию она выдержала, но к нам не вернулась <...> Так и исчезла она с нашего горизонта, и все ощутили ее отсутствие. Спокойная, уравновешенная, благожелательная, она вносила что-то дружеское в нашу среду, где постоянно кипели несогласия, конфликты, принципиальные и мелкие, бытовые»⁵⁹.

Анна Ивановна АБРИКОСОВА, отбыв девять лет тюремного заключения, 9 августа 1932 года была освобождена досрочно после хирургической операции в Бутырской больнице. Получив запрещение проживать в 6 крупных городах, она вместе с сестрой общины Раисой КРЫЛЕВСКОЙ поселилась в Костроме. В первые же свои поездки в Москву для продолжения лечения она встретила уже освободившимися из ссылки сестрами общины Верой ЦВЕТКОВОЙ, Софьей ЭЙСМОНТ и Еленой ВАХЕВИЧ. После тюрем, этапов, изоляторов она с волнением ожидала встречи со своими духовными детьми, и они не разочаровали ее. Об этом позднее, будучи вновь арестована, она покажет на допросе:

“По освобождении из изолятора я, находясь в Москве, восстановила связь с группой лиц, осужденных Коллегией ОГПУ в 1923 году <...> Восстанавливая с ними связь, я преследовала цель узнать, в каком политическом и духовном состоянии они находятся после ареста, административной ссылки и отбытия минусных пунктов. После встреч с ними я убедилась в том, что они остались при своем старом мировоззрении»⁶⁰.

Говоря так, Анна Ивановна имела в виду их верность Католической Церкви, которой и сама оставалась верна. Вот что писал епископ Пий НЕВЕ в письме от 15 августа 1932 года, передавая в Рим свое впечатление от знакомства с Анной Ивановной: **«Эта женщина — настоящая исповедница веры, очень мужественная; чувствуешь себя ничтожным перед людьми такой закваски. Она еще плохо выглядит, у нее действует только правая рука, левая парализована»⁶¹.**

Поездки в Москву, общение с сестрами Анны Ивановны вызвали недовольство властей, и через Екатерину Павловну ПЕШКОВУ, возглавлявшую в то время Помполит, АБРИКОСОВУ А. И. предупредили, что ее переписка с сестрами общины рассматривается властями как **“контрреволюционная деятельность”**. Екатерина Павловна при встрече настоятельно советовала Анне Ивановне добиваться визы на выезд к мужу за границу. Но та спокойно и твердо заявила: **«Я абсолютно не намерена покидать Россию»⁶²**, — хотя прекрасно понимала, что здесь ее ожидали только тюрьмы и лагеря.

7 июля 1933 года были арестованы Камилла КРУШЕЛЬНИЦКАЯ и студентка МГУ Анна БРИЛЛИАНТОВА — участники второго процесса по делу А. И. АБРИКОСОВОЙ. Причем Анна БРИЛЛИАНТОВА была представлена следствием как член молодежной группы организации католиков и, одновременно, как член молодежной группы ученых-биологов, создавших “Лам-партию” и ее молодежную секцию — “Ламсомол”⁶³. На допросах БРИЛЛИАНТОВА подтвердила свое знакомство с членами этой партии и приверженность следующему постулату “неоламаркизма”, которым члены “Лампартии” объясняли все экономические провалы в СССР:

⁵⁹ Суровцева Н.В. Воспоминания. Киев. 1996. С. 5, 58.

⁶⁰ Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁶¹ Wenger A. Указ.соч. С. 65.

⁶² Там же.

⁶³ “Лампартия” объединяла биологов, последователей естествоиспытателя Ж.-Б.Ламарка.

«Люди умственного труда в течение ряда веков, иначе говоря, дворянство и интеллигенция, из рода в род передают свои способности и более развитый склад ума <...> Класс рабочих и крестьян — это класс людей со слабо развитым умом, так как является потомками неодаренного поколения. Из того, что во главе руководства и управления советским государством стоят люди, неспособные к этому в силу отсутствия соответствующей наследственности, вытекает, что в данный момент советская система экономики и все народное хозяйство находится в критическом состоянии»⁶⁴.

Следует отметить, что руководители "Лампартии" были осуждены еще в 1930 году, освобожденный же досрочно единственный участник молодежной группы "Ламсомола" дал показания против Анны БРИЛЛИАНТОВОЙ в качестве свидетеля. Но это не помешало следствию в "Обвинительном заключении" по второму делу Абрикосовской общины отметить попытки русских католиков блокироваться с **«другими контрреволюционными организациями, а именно с подпольным кружком ламаркистов, чтобы связаться с идеалистической группой научных работников»**⁶⁵.

В материалах следственного дела представлены также показания свидетелей, передававших рассказы Анны БРИЛЛИАНТОВОЙ знакомым студентам МГУ об избиениях и пытках арестованных, о чем она слышала, о голоде и обнищании крестьянства, что наблюдала сама:

«Она говорила, что не может примириться с мыслью о том, что сосланные на Север массами погибают, и что среди них много есть и невинно пострадавших <...> Она считает, что виновна в этом вся советская система в целом»⁶⁶.

Во время следствия выяснилось, что за антисоветские разговоры Анну еще в 1931 году исключили с курсов в Челябинске, и что отец ее репрессирован. Несколько экзальтированная девушка стала находкой для чекистов; началась жестокая обработка арестованной БРИЛЛИАНТОВОЙ с целью представить ее в качестве **"исполнительницы террористического акта"**. С 8 по 31 июля ее допросы шли непрерывно, днем и ночью. Давление чекистов, по-видимому, было настолько непереносимым, что она начала подписывать самые чудовищные показания:

«С 1931 года, приехав в Москву, я попала в контрреволюционную католическую миссионерскую обработку <...> Советская власть ими рассматривалась как власть, основанная на насилии и угнетении народа <...> Считая себя противником советской системы, я считала для себя обязательным борьбу с советской властью любыми способами, в том числе и индивидуальный террор. Шпионаж, вредительство и индивидуальный террор я считала для себя одинаково приемлемыми»⁶⁷.

Об атмосфере допросов 1933 года и о своем состоянии во время следствия позднее дадут показания сестры общины, достойно прошедшие следствие 1923-1924 годов, но не выдержавшие давления в этот раз и подписавшие обвинения против себя и других. Приведем показание одной из них позднее, во время реабилитации в 1956 году, хранящееся в этом следственном деле:

«Тогда у меня было подавленное моральное состояние, вызванное моим арестом и пребыванием в одиночной камере. Подписывала все,

⁶⁴ Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁶⁵ Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

что мне предлагали, лишь бы скорее получить срок и убыть в лагерь <...> Кроме того, следователь, ведший дело, заставлял подписывать протоколы допросов, у которых выше моей подписи оставалось по половине листа чистого места, где можно было дописать все, что угодно»⁶⁸.

Если не выдерживали сестры, не впервые оказавшиеся в подобных обстоятельствах, то чего можно было ожидать от неопытной девушки? Попав на непрерывный "конвейер" допросов, изолированная от всех в одиночной камере, постоянно обрабатываемая Анна БРИЛЛИНТОВА подписывала все, что писал за нее следователь в типично чекистском стиле:

«Я остановила свой выбор на СТАЛИНЕ, потому что устранение СТАЛИНА могло бы вызвать большие политические сдвиги в стране. Но основной движущей силой моих побуждений было желание мести за народные мучения, виновником которых я считала СТАЛИНА»⁶⁹.

Непосредственной вдохновительницей террористических намерений Анна назвала Камиллу КРУШЕЛЬНИЦКУЮ; Анна познакомилась с Камиллой в 1932 году в храме Св. Людовика и стала постоянно бывать у нее дома. Камилла рассказывала епископу Пию НЕВЕ о молодой студентке, которая «мечется между атеизмом и существованием Бога и, несмотря на мои старания, не может прийти к Богу»⁷⁰. Но в последующих показаниях КРУШЕЛЬНИЦКОЙ под влиянием следователя, желавшего представить Камиллу, как «руководителя молодежной группы католиков» их разговоры о Боге и Католической Церкви превратились в тяжкое обвинение против Камиллы:

«Неоднократно в беседах со мной КРУШЕЛЬНИЦКАЯ говорила, что главным виновником происходящего является СТАЛИН. В связи со всем этим террористические настроения достигли у меня большого напряжения <...> Она сказала, что если бы она была атеисткой и молодой, то действовала бы в борьбе с советской властью решительно до конца и совершила бы террористический акт против СТАЛИНА»⁷¹.

Конечно же, для Камиллы КРУШЕЛЬНИЦКОЙ, глубоко верующей католички, сама мысль о теракте была немыслима; к тому же, с ее точки зрения, невозможно было возлагать исполнение такого дела на неопытную девушку. Однако такие тонкости не волновали следователя, и он вынудили Анну подписать следующие показания:

«КРУШЕЛЬНИЦКАЯ была взволнована и сказала: "Благословляю тебя на это". Тут же она мне указала на необходимость соблюдения строгой конспирации, вплоть до постоянной смены головных уборов и платьев для того, чтобы быть менее заметной в толпе и ускользнуть от возможной слежки»⁷².

Чтобы версия о готовившемся террористическом акте была убедительней, чекисты привлекли по делу русских католиков еще одну девушку — племянницу Камиллы, интересовавшуюся только развлечениями и танцами, но знакомую с Петром Ворошиловым, сыном Климента Ворошилова, бывавшую в их квартире в Кремле и на даче в Зубалово. Это знакомство с Петром Ворошиловым даст следствию выдвинуть обвинение в том, что для совершения террористического акта собиралась информация о расположении комнат в квартире в Кремле и на даче. Конечно, чекисты обманывали племянницу

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Wenger A. Указ. соч. С. 270.

⁷¹ Следственное дело А.И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁷² Там же.

Камиллы, обещая скорое освобождение при условии, что она подпишет нужные им показания:

«Они возбуждали во мне ненависть к СТАЛИНУ и другим руководителям, утверждая, что они являются виновниками бедствий, которые переживает русский народ <...> Обработывали меня в террористическом направлении, в беседе со мной КРУШЕЛЬНИЦКАЯ и БРИЛЛИАНТОВА проявляли особый интерес, расспрашивая меня, где и как расположены квартиры и дачи СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА, каким образом можно попасть в Кремль»⁷³.

Таким образом, используя давление и обман молодых и неопытных, следствие сфабриковало дело о террористической группе, в которую входили руководитель, непосредственный исполнитель и источник сведений о местах проживания тех членов правительства, на которых предполагалось совершить покушение. Дальнейшая судьба «участниц террористической группы», независимо от их поведения на следствии, сложилась трагически — в 1937 году они были расстреляны на основании показания на допросах 1933-1934 годов.

Но и этого успешно завершено расследования чекистам было мало. Для доказательства террористических планов членов общины русских католиков следствие получило показания молодого человека из Краснодара, в 1931 году обращенного в католичество под руководством Марии КОМАРОВСКОЙ; после отбытия ссылки на Урале она, получив ограничение на проживание в шести крупных городах, поселилась в этом городе. Приведем его показания:

«КОМАРОВСКАЯ М. Г. говорила мне, что я один из Краснодара выбран для большого дела. Я должен 2-3 месяца готовиться под руководством ксендза-духовника, после чего он мне укажет, что мне делать. Она же говорила мне, что нужно ежедневно сосредоточивать внимание на испытании совести и сокрушении, готовясь к смерти. Она культивировала во мне чувство жертвенности и готовности к смерти во имя большого дела. Все это выработало из меня фанатически настроенного исполнителя любого акта, к исполнению которого они хотели бы меня предназначить»⁷⁴.

Конечно, Мария КОМАРОВСКАЯ могла говорить об испытании совести и сокрушении, но слова ее относились к подготовке обращения юноши в католичество. Однако, по желанию следователя, «подготовку к духовному обновлению» арестованный юноша готов был представить для следствия как попытку католиков сделать из него фанатика-террориста. Чудовищное и нелепое обвинение.

На первом же допросе Камилла КРУШЕЛЬНИЦКАЯ не скрывала свое истинное отношение к советской власти и твердо дала откровенные показания:

«Считаю себя противником советской системы. Основной решающий момент — это отсутствие в Советской России гражданских свобод <...> Я, как верующая, считаю, что в Советской России открыто нельзя исповедовать свою веру. Церковь различных направлений преследуется, лучшие дети Церкви репрессированы»⁷⁵.

Сравним эти полные достоинства слова с теми полуграмотными, губительными для нее и других сестер общины показаниями, написанные рукой следователя, которые Камилла будет подписывать в конце следствия:

«Рассматривая вопрос о возможности свержения советской власти, мы считали, что население советской власти не поддержит,

⁷³ Там же.

⁷⁴ Следственное дело А.И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁷⁵ Там же.

относясь к ней враждебно, особенно крестьянство. В связи с политикой коллективизации ставился вопрос о причине, которая могла бы побудить массы проявить свое недовольство в активной форме. Такой причиной мы считали интервенцию, которая могла бы реставрировать капиталистические отношения»⁷⁶.

По материалам "дела" трудно судить, о чем же в самом деле велась речь на тех пяти собраниях молодежи, что прошли на квартире Камиллы КРУШЕЛЬНИЦКОЙ. Во всяком случае — не о террористических актах или насильственном свержении советской власти речь не шла, хотя отрицательного отношения к властям, конечно, не скрывали. Очевидно, что все показания, касающиеся насильственных методов борьбы, получены были следствием под давлением. Приведем показания на допросе Анны Ивановны АБРИКОСОВОЙ:

«Беседы происходили на религиозные и политические темы. Религиозные темы носили характер религиозно-философских. Политические темы носили характер обсуждения внутривластного и хозяйственного положения страны в антисоветском освещении»⁷⁷.

Объясняя суть своих политических воззрений, Анна Ивановна спокойно подтвердила:

«Считаю себя принципиальным противником советской системы. В советской системе находят свое выражение, в частности, политический террор и угнетение личности. В СССР осуществляется и проводится диктатура коммунистической партии над народом <...> Считаю себя сторонницей социально-политической системы государственного управления, находящей свое выражение в демократической республике с однопалатной системой народного представительства, построенной на основе следующих конституционных законоположений: полное равенство перед законом всего населения на основе гражданских свобод: свободы совести, слова, печати и неприкосновенности личности»⁷⁸.

Действительно, беседам с молодежью Анна Ивановна придавала большое значение, и на следствии она четко изложила свои взгляды:

**«— советская молодежь не может говорить о своем мировоззрении, так как у нее на глазах шоры,
— советская молодежь развивается слишком односторонне, т<ак> к<ак> знакома лишь с фразами марксизма–ленинизма,
— политическое и духовное мировоззрение должно вырабатываться на основе свободной критической проработки всех достояний философской и политической мысли»⁷⁹.**

На встречах с молодежью Анна Ивановна говорила о политических воззрениях, но здесь и речи не было о создании «контрреволюционной организации». Однако следователь в конце концов добился от нее признания, что она проводила "антисоветскую работу с молодежью", которая заключалась в:

**«— ведении организованной работы и создании организации,
— ведении контрреволюционной пропагандистской работы среди молодежи,
— ведении вербовочной работы в контрреволюционной организации»⁸⁰.**

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Следственное дело А.И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

И все-таки, несмотря на явные уступки следствию, боясь за молодых участников собраний, Анна Ивановна нашла в себе силы отметить в своих показаниях их невиновность — и это заявление в протоколе было подчеркнуто:

«Конкретной работы члены этой молодежной группы не вели, т<ак> к<ак> были мной привлечены к работе незадолго до моего ареста»⁸¹.

И хотя молодые участники встреч на квартире Камиллы с Анной Ивановной АБРИКОСОВОЙ, будут, конечно, осуждены, но они получают минимальные сроки наказания, исключая Анну БРИЛЛИАНТОВУ и Камиллу КРУШЕЛЬНИЦКУЮ. Сестрам общины и Анне Ивановне АБРИКОСОВОЙ вменялись в вину и постоянные встречи с епископом Пием НЕВЕ. Подробно о беседах с ним дала нужные показания одна из сестер лишь к концу следствия:

«Последнее время беседы наши у НЕВЕ приняли политический антисоветский характер. Я сообщала НЕВЕ о том, что политическая партия и советская власть в области с<ельского> х<озяйства> привела население и крестьянство к голоду и нищете. Я сообщала ему о массах голодных крестьян, наводнивших Москву и бежавших с Украины и Северного Кавказа <...> Проживая до 1933 года в Ставрополе, я переносила большие трудности, в то время там был голод и людоедство, что я и рассказала НЕВЕ»⁸².

Многие сестры-монахини во время следствия остались верны себе, отказавшись давать показания против Анны Ивановны и отрицая все обвинения следствия. Приведем выдержки из показаний сестер общины:

«Показаний давать не считаю себя обязанной, так как, во-первых, то, что касается меня, это моя духовная жизнь, отчета в которой я следователю ОГПУ давать не стану, а, во-вторых, остальные вправе давать или не давать показаний следователю сами, так как это дело их духовной жизни» — из показаний Екатерина ГОТОВЦЕВОЙ⁸³;

«Я высказывала контрреволюционные взгляды, направленные против политики партии и советской власти. При своих контрреволюционных взглядах я остаюсь и теперь, их не меняю и менять не собираюсь. Я являюсь принципиальным противником проводимой советской властью политики в городе и в деревне. Я являюсь убежденнейшей сторонницей папской теократии и ставила и ставлю своею целью осуществление теократии в России» — из показаний Раисы КРЫЛЕВСКОЙ⁸⁴.

Отметим, что в "Обвинительном заключении" следствие использовало также характеристики, данные каждому "участнику организации" одной из сестер, активно сотрудничавшей со следствием. По этим характеристикам чекисты, похоже, определяли впоследствии сроки наказания каждому:

«Анна Ивановна — преданнейший своему делу человек, умная, много читавшая и читающая, следящая за политикой, обладающая твердой, непреклонной волей, позволившей ей выдержать девятилетнюю одиночку и тяжелую, серьезную операцию. Она пойдет на все ради своей цели. Она — организатор и руководитель по природе. Просидев в тюрьмах с 1924 по 1932 год, она вышла полная сил и энергии и снова принялась за дело. Все сестры снова стали под ее руководство.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

<...> Главная черта ЭЙСМОНТ С. В. — это рвение к спасению души. Она очень активная, живая, любит всех сестер.

<...> СЕЛЕНКОВА А. В. — сильный самостоятельный характер.

<...> КРЫЛЕВСКАЯ Р. И. — бесконечно предана матери <Анне Ивановне> и епископу НЕВЕ. Она, по ее словам, пойдет за них на "расстрел"»⁸⁵.

Лишь одна тема, по которой Анне Ивановне под давлением следователя пришлось дать показания, в материалах "Обвинительного заключения" практически не отражена. Речь идет о ее знакомых, которые были высланы за границу в 1922 году. Подробно отвечая на вопросы следствия, Анна Ивановна не волновалась за участь этих людей. Зачем чекистам понадобились сведения о них, сказать трудно. Возможно, для предполагаемого группового процесса над "Партией русской интеллигенции", который так и не состоялся. Читая показания Анны Ивановны, касающиеся "создания" этой партии, надо иметь в виду не только их вынужденность, но и тот факт, что все их друзья и знакомые были активными противниками большевиков, и, собираясь на квартире АБРИКОСОВЫХ, обсуждали положение в стране и что-то решали для себя:

«На одном из собраний было решено создать "Партию русской интеллигенции", которая должна была бы возглавить русский народ в борьбе с большевизмом. Основная политическая установка "ПРИ" сводилась к следующему: вести за собой русский народ может только интеллигенция, которая является выразителем качеств, заложенных в народе, и должна эти качества в нем вскрыть <...> Государственный строй России "ПРИ" мыслился как конституционная монархия по типу Англии»⁸⁶.

В настоящее время невозможно судить, была ли хоть какая-то часть этих показаний правдивой. Однако, надо отметить, что следователи, ведущие дело русских католиков, имели четкие инструкции, и это доказывают последующие групповые процессы. Например, дело о "Националистической фашистской организации", именовавшей себя "Партией Возрождения России", по нему в июле 1933 года была осуждена группа профессоров и научных работников⁸⁷. Так или иначе, но и в первом случае, — собраний интеллигенции на квартире АБРИКОСОВЫХ в период 1918-1923 годов, во втором случае — дела Абрикосовской общины в период 1933-1934 годов и в третьем случае — дела профессуры в 1933 году — в "Обвинительных заключениях" о целях этих организаций утверждалось одно и то же:

«<...> свержение в СССР советской власти и установление монархического строя <...> Руководилась и финансировалась русской комиссией "Конгрегации восточной церкви" <...> В дальнейшем <...> получала от Папы Римского и "Русской комиссии" руководящие указания и средства на работу»⁸⁸.

1 января 1934 года были осуждены первые участники процесса: Камилла КРУШЕЛЬНИЦКАЯ и Анна БРИЛЛИАНТОВА приговорены к 10 годам ИТЛ, Анна Ивановна АБРИКОСОВА — к 8 годам ИТЛ, Ольга ФИЦНЕР — к 5 годам ИТЛ. 19 февраля 1934 года были осуждены остальные обвиняемые: сестры общины, отказавшиеся сотрудничать со следствием, получили по 8-10 лет ИТЛ, сестры общины, вынужденные подписать выдумки следователя, либо активно сотрудничавшие со следствием — по 3-5 лет ИТЛ или ссылки.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁸⁷ Среди арестованных были Павел ФЛОРЕНСКИЙ, братья Павел и Сергей КАПТЕРЕВЫ.

⁸⁸ Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

* * *

Завершив процесс по делу Абрикосовской общины, следователи НКВД не успокоились. Для окончательного разгрома движения русских католиков оставалось "обезвредить" последнюю, тайную общину русских католиков при нелегально существующем Высоко-Петровском монастыре в Москве, о которой стало известно в середине 1934 года от "добровольных помощников" чекистов. В первых материалах следственного дела об этой общине значилось:

«<...> поступили сведения о том, что в Москве существует русско-католическая К<онтр>Р<еволюционная> организация церковников, созданная по директивам "Русской комиссии" при Ватикане, негласным представителем последнего в Москве Евгением НЕВЕ»⁸⁹.

Начало операции можно отнести к осени 1934 года, когда органами НКВД был арестован организатор секты "Четвертый интернационал духа и истины" Павел ВЕЛИКАНОВ. В протоколе его допроса содержится информация о Леониде ТИТОВЕ, позднее арестованного по этому делу:

«После ареста АБРИКОСОВОЙ я боялся за судьбу своих рукописей и просил их у ТИТОВА забрать. Дал специальную зашифрованную записку: "Он дает Вам рецептуру, бидон возьмет"»⁹⁰.

Расшифровку последней фразы дает на допросе Леонид ТИТОВ, показав, что незадолго до своего ареста Павел ВЕЛИКАНОВ поручил знакомому баптисту забрать у него ранее переданные рукописи, не подозревая, что они тут же будут переданы в НКВД, так как этот баптист давно уже работал "секретным сотрудником" НКВД. Чекисты крайне заинтересовались рукописями, а, главное, личностью ТИТОВА. По показаниям Павла ВЕЛИКАНОВА, Леонид давно был знаком и часто встречался с епископом Пиём НЕВЕ, хотел показать ему рукописи для возможной публикации их на Западе. Чтобы иметь представление об этих рукописях, приведем выдержки из показаний Леонида ТИТОВА о их содержании:

«В рукописи "Кто кого" ЛЕНИН был изображен великим жрецом, человекоубийцей и Антихристом, который создал интернациональную организацию для истребления всех людей и наций, с ним не согласных, ему не послушных. Рукопись "Иосиф прекрасный" была направлена против СТАЛИНА»⁹¹.

Павел ВЕЛИКАНОВ назвал на допросе также имена священников и монахов церкви Рождества Богородицы в Путинках, участников нелегального монастыря. 28 января 1935 года был арестован первый из этих священников; его показания оказались очень важными для следствия, так как он сразу же подтвердил, что при его храме давно уже нелегально существует официально закрытый в 1929 году властями Высоко-Петровский монастырь. Зная методы ведения следствия, не будем судить об оценке деятельности монастыря, данной этим священником в протоколах допросов, главное — сам факт его нелегального существования:

«В церкви Рождества Богородицы в Путинках, действительно, существует своеобразный монастырь, включающий мужчин и женщин. В этом монастыре процветает ханжество, иезуитизм и старчество. Жизнь монастыря построена на монархических принципах <...> в монастыре ведется обработка и воспитание молодежи в антисоветском духе»⁹².

⁸⁹ Следственное дело РЕМОВА и других. 1935 // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁹⁰ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА и других. 1935 // Центральный архив ФСБ.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

Далее арестованный священник подтвердил, что во главе монастыря стоит архиепископ Варфоломей РЕМОВ, что церковные службы проводят в строгом соответствии с монастырским уставом, **«в расчете на то, чтобы разжечь фанатизм верующих до высшего предела»**⁹³. О том, как "разжигается фанатизм" подробно показала одна из добровольных свидетельниц.

«Средством усиления фанатизма являются и так называемые духовные собеседования, а также исповеди, проводимые на коленях и на ухо <...> Создается впечатление, что женщины в черных косынках загипнотизированы <...> В общине существует какая-то тайная дисциплина, в силу которой многое скрывается от непосвященных»⁹⁴.

18 февраля 1935 года в НКВД было передано заявление общины верующих церкви Рождества Богородицы, отметим, как нельзя кстати:

«Упразднение монастырей, оказывается, не уничтожило духа монашествующих, начавших проявлять себя в последнее время особенно интенсивно <...> Наводнение церковей женщинами в черных платках и платьях, т<ак> н<азываемых> "кликуш" в таком количестве, чтобы они могли не только играть ту или иную роль, но и доминировать в церковных общинах, что, в конце концов, и приводит нас не в приходской храм, а в монастырь»⁹⁵.

Прихожане в своем заявлении просили представителей власти защитить права их общины от посягательств "черного духовенства", которое, по их мнению,

«<...> являясь хранителем догматической веры, неспособно удовлетворять обыденные требы верующих, в большинстве своем не нуждающихся в теоретической пропаганде веры и бесконечных монастырских богослужениях»⁹⁶.

К этому времени чекистам стали известны имена тайных монахинь и монахов, активных членов монастырской общины. 21 февраля 1935 года были арестованы 22 человека, в их числе и архиепископ Варфоломей РЕМОВ. В "Постановлении на арест" каждого **"участника организации"** было записано, что он

«<...> состоял членом католической группы К<онтр>-Р<еволюционной> организации при нелегальном Петровском монастыре и вел антисоветскую агитацию»⁹⁷.

Об архиепископе Варфоломее РЕМОВЕ, которого следователи НКВД провозгласили **«руководителем контрреволюционной организации»**, следует рассказать подробнее. До рокового 1935 года он арестовывался дважды: в 1920 и 1928 годах. Арест 1920 года был вызван его непримиримой позицией в защите достояния Троице–Сергиевой лавры и Духовной академии, ректором которой он в то время служил. В "Постановлении на арест" архимандрита Варфоломея в 1920 году значилось:

«РЕМОВ является видным и активным членом воинствующего черносотенного духовенства: в бытность его в Сергиевском Посаде им был <...> перед вскрытием мощей Сергия РАДОНЕЖСКОГО произнесена явно погромная проповедь, имевшая своим результатом крайнее возбуждение темных масс»⁹⁸.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА и других. 1935 // Центральный архив ФСБ.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА. 1920 // Центральный архив ФСБ.

8 февраля 1921 года архимандрита Варфоломея освободили из тюрьмы «**в виду тяжкого состояния его здоровья**»⁹⁹, и, действительно, доподлинно известно, что он пребывал в крайнем истощении и был вынесен из тюремной камеры на носилках.

Менее известны обстоятельства ареста в 1928 году. По рассказу самого архимандрита Варфоломея, ему было предъявлено обвинение в укрывательстве, по версии следствия, "шпиона", а, по его убеждению, просто верующего, но и в этот раз обошлось без приговора: вскоре он был освобожден. К 1928 году относится его знакомство с епископом Пием НЕВЕ, о чем он позднее, на следствии показал так:

«С НЕВЕ я познакомился в Москве <...> через нашего общего знакомого инженера РУМЯНЦЕВА Александра Александровича. РУМЯНЦЕВ увлекался идеей соединения Католической и Православной Церквей <...> К 1932 году наши отношения стали дружескими, встречи стали регулярными. В 1932 году я, по предложению НЕВЕ, перешел в тайное католичество»¹⁰⁰.

Тайный переход в католичество известного православного архиепископа, о котором многие годы не догадывалось даже его ближайшее окружение, до сих пор вызывает много вопросов. Для православных верующих он был символом духовного, аскетичного начала, сформированного монашеской школой Смоленской Зосимовой пустыни, **«огненного и вдохновенного исповедника Христа и Церкви Христовой, страдальцем и новомучеником»**. Сначала он поддержал митрополита Сергия (СТРАГОРОДСКОГО) после провозглашения им знаменитой Декларации, однако, на деле был далек от внешних церковных событий. Но при всей лояльности к митрополиту Сергию архиепископ Варфоломей не мог принять его жесткую политику, которую тот повел после раскола духовенства на два лагеря; его возмущали угрозы наслать кары на каждого "непокорного" священнослужителя, массовые аресты и осуждения этих "непокорных".

В материалах следственного дела 1935 года есть показания двух православных иерархов, по версии чекистов, **«участников нелегальных собраний на квартире архиепископа Варфоломея»**, что на них они обсуждали внутри-церковную ситуацию и пришли к общему мнению о **«гибельности для Церкви линии, проводимой митрополитом Сергием»**¹⁰¹. Не эти ли обсуждения и побудили отца Варфоломея искать какой-то выход из состояния душевного смятения? Хотя и обращение в католичество восточного обряда при тех масштабах репрессий против русских католиков никаких перспектив для него не открывало. Может быть, в этом переходе важную роль сыграла личность самого епископа Пия НЕВЕ и постоянная помощь, оказываемая им священнослужителям и верующим России? К сожалению, истинная причина никогда не узнается.

5 февраля и 3 июля 1933 года Ватиканом были приняты два документа: об учреждении титулярной кафедры Сергиевской в юрисдикции Рима и поставлении на нее **«уже облеченного епископским саном в восточном обряде»** Варфоломея РЕМОВА, а также о назначении его викарием Апостольского администратора в Москве для католиков восточного обряда. Об этом событии Варфоломей РЕМОВ показал на следствии:

«<...> в 1933 году был официально утвержден Ватиканом в должности нелегального помощника НЕВЕ. По этому поводу из Ватикана была прислана особая грамота, которая была мне показана

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА и других. 1935 // Центральный архив ФСБ.

¹⁰¹ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА и других. 1935 // Центральный архив ФСБ.

НЕВЕ и взята им обратно из-за боязни ее обнаружения при возможном обыске»¹⁰².

В подтверждение правдивости этого показания Варфоломея РЕМОВА приведем выдержку из его письма Папе Римскому, переданного в Рим через епископа Пия НЕВЕ 10 августа 1932 года:

«<...> Со смирением и благодарностью припадаю к стопам Святейшего отца <...> Счастлив выразить Вам, Монсеньер, мою глубокую признательность <...> Прекрасно сознание того, что должно совершать дела Божьи, трудиться, "доколе есть день" <...> И мне хотелось бы вместе с Вами повторить слова Архангела: "Для тебя нет ничего невозможного"»¹⁰³.

С этим назначением отец Варфоломей, благодаря епископу Пию НЕВЕ, получил возможность материально помогать арестованным и высланным иерархам, через него ставить в известность Запад о продолжающихся в России преследованиях духовенства и верующих, а главное — обрел в его лице духовного пастыря. Но это знакомство стало и основным доказательством обвинения архиепископа Варфоломея в **«измене Родине и шпионской деятельности в пользу Ватикана»**, и под давлением следствия он подписал это обвинение:

«Являясь помощником негласного представителя Ватикана, иностранного подданного НЕВЕ, активно сотрудничал с ним в борьбе против советской власти и, исполняя его поручения, вместе с НЕВЕ боролся против советской власти <...> передавал неоднократно НЕВЕ письма ссыльных церковников <...> Эти письма пересылались НЕВЕ в Ватикан как доказательство гонений, воздвигаемых советской властью на религиозников <...> сообщил НЕВЕ о том, что вся деятельность митрополита Сергия протекает в соответствии с органами государственной власти»¹⁰⁴.

В конце концов отец Варфоломей признал и свою **«антисоветскую деятельность в организации и руководстве нелегальным монастырем»**. В этой части его показания как будто списаны с показаний других обвиняемых:

«Привлекая в монастырь большое количество верующих, монахи отбирали среди них наиболее фанатичных, настроенных антисоветски, и втягивали этих людей в активную деятельность монастыря — большое число церковников было завербовано и посвящено в тайное монашество. Агитация шла под лозунгом: "Каждый истинный христианин обязан направлять свои усилия к тому, чтобы приблизить время падения советской власти"»¹⁰⁵.

Особое внимание следствие обратило на тот факт, что, будучи руководителем нелегального монастыря, архиепископ Варфоломей своим авторитетом привлекал в эту обитель и католиков:

«К<онтр>Р<еволюционная> организация состоит из двух групп: католиков и православных. Причем, обе группы объединяются при нелегальном Петровском монастыре, организованном по инициативе РЕМОВА»¹⁰⁶.

Судя по материалам "дела", три православных архимандрита этого монастыря посвящали в монашество православных верующих, а архиепископ

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Wenger A. Указ. соч. С. 56.

¹⁰⁴ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА и других. 1935 // Центральный архив ФСБ

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

Варфоломей — и православных, и католиков, причем, во избежание преследований со стороны властей, посвящения проводились тайно, а архимандриты получили от владыки Варфоломея указание, чтобы:

«Все посвященные в монашество оставались жить и работать в учреждениях и на предприятиях по-старому, не меняя внешний образ жизни и скрывая свое монашество от посторонних»¹⁰⁷.

Чтобы еще больше обезопасить посвященных в монашество, архиепископ Варфоломей предложил архимандритам представлять их в списках, подаваемых в епархиальный совет, под вымышленными именами. Обвиняемые по делу также дали следователям подробные показания и об институте послушничества:

«У нас был также создан институт послушников, чем достигалась задача воспитания стойких христиан, которые могли бы заменить убывающие монашеские кадры и, при необходимости, пострадать за веру»¹⁰⁸.

Действительно, пострадать за веру готовы были на следствии многие члены общины нелегального монастыря, среди них и принявшие католичество восточного обряда. Они твердо отстаивали свои убеждения, а во время очных ставок со своим пастырем Варфоломеем РЕМОВЫМ, утверждали о его непричастности к какой-либо контрреволюционной организации, категорически отрицая его и свою вину. 14 апреля 1935 года следствие было закончено. Дело архиепископа Варфоломея выделили в отдельное производство. Совершенно не доказанным пунктом обвинения было: **«Высказывал террористические намерения в отношении руководителей советского правительства»**, — но Варфоломей РЕМОВ под давлением следствия все же подписал его. В связи с этим обвинением приведем слова, сказанные им на допросе в 1920 году и, на наш взгляд, отражающие его истинные убеждения:

«Христова истина, как я ее понимаю и воспринимаю, для меня дороже жизни. Никогда ни к какому насилию не призывал и считаю призывать нечестным»¹⁰⁹.

17 июня 1935 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда архиепископ Варфоломей РЕМОВ был приговорен **«к высшей мере наказания, расстрелу, с конфискацией имущества. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит»¹¹⁰**. Остальные участники процесса были приговорены: к 5 годам ИТЛ — 14 человек, к 3 годам ИТЛ — 3 человека, к 5 годам ссылки — 5 человек.

* * *

Пройдя тюрьмы, этапы и ссылки, четыре сестры Абрикосовской общины в 1932 году поселились в Тамбове. Чекистам не удалось привлечь их по групповому делу русских католиков 1933 года. Но властям было известно, что епископ Пий НЕВЕ периодически помогает сестрам общины деньгами, не давая им умереть от голода.

В декабре 1934 года в Воронеже был арестован католический священник Адам ГАРЕЙС, который на первом же допросе подписал серьезные показания против сестер общины. Судьба отца Адама складывалась непросто. Это был уже второй его арест. Впервые он был приговорен к трехлетней ссылке по групповому делу немецкого католического духовенства Поволжья. С середины 1933 года,

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА. 1920 // Центральный архив ФСБ.

¹¹⁰ Следственное дело В. Ф. РЕМОВА и других. 1935 // Центральный архив ФСБ.

отбыв наказание, отец Адам служил настоятелем костела в Воронеже. Очевидно, перенесенные страдания сказались на его поведении при повторном аресте. Позднее, сестра Вера ГОРОДЕЦ в письме к епископу Пию НЕВЕ объяснила причину его слабости на следствии:

«У ГАРЕЙСА разрушена нервная система. До суда, во время предварительного заключения, ему пришлось провести несколько месяцев в психиатрическом отделении в больнице ГПУ. Его мучил страх, что его расстреляют, и те, кому этот страх был выгоден, сумели воспользоваться этим страхом. Мне очень тяжело, но, к сожалению, я должна сообщить следующее: Он предал своих прихожан и своих друзей-священников <...> Он показал, что получил от Вас задание заниматься антисоветской пропагандой и сбором для Вас шпионских сведений; он также показал, что он привлек к этому аббата БЕЙЛЬМАНА <...> На заседании трибунала были зачитаны его показания против аббата СТАУБЕ и против БЕЙЛЬМАНА. Однако он категорически, перед всеми, отказался от своих показаний»¹¹¹.

1 февраля 1935 года сестры-монахини Вера ГОРОДЕЦ, Валентина КУЗНЕЦОВА и Галина ЕНТКЕВИЧ были арестованы и девять месяцев провели в одиночках Воронежской тюрьмы. Епископ Пий НЕВЕ, невольный ставший причиной ареста сестер-монахинь и переживавший за их дальнейшую судьбу, писал в Рим: **«Весь процесс происходит вокруг моего имени, а я один на свободе»¹¹².**

НЕВЕ проявлял пристальный интерес к ходу судебного процесса в Воронеже, и об этом есть показания сестры Раисы КРЫЛЕВСКОЙ, но более поздние, на следствии по делу русских католиков в 1948 году:

«ЕНТКЕВИЧ передала ГОРОДЕЦ поручение НЕВЕ — подробно описать весь ход этого процесса и материал передать ему <...> Мы в письменном виде подробно изложили все»¹¹³.

Составленный Верой ГОРОДЕЦ подробный отчет о ходе следствия и судебного процесса епископ Пий НЕВЕ отправил в Ватикан. Из отчета видно, что вопросы, которые с неизменным постоянством задавались сестрам на протяжении всех девяти месяцев, были связаны с оказанием им материальной помощи: **«Когда вы привезли деньги от НЕВЕ? Сколько? Что он передал священникам? Какие сведения они ему посылали?»¹¹⁴.** Как видно, чекисты из года в год, от процесса к процессу настойчиво набирали компромат на епископа Пия НЕВЕ, добываясь от подследственных уличающих его показаний. Об этом же писала сестра Вера ГОРОДЕЦ, описывая выступления "свидетельницы К." на суде:

«К. отреклась от католичества и рассказывала самые невообразимые вещи. На судебном заседании она почти ничего не отрицала <...> Она рассказывала о Вас настоящие глупости, утверждая, что вы силой заставляли ее исповедоваться и тому подобное»¹¹⁵.

Очевидно, арестованные священники вместе с сестрами-монахинями были вынуждены признать факт получения денег от епископа Пия НЕВЕ, но их поведение на допросах и во время судебных заседаний удивляло сестер общины. Вера ГОРОДЕЦ писала в своем отчете:

¹¹¹ Wenger A. Указ. соч. С. 376.

¹¹² Там же. С. 379.

¹¹³ Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ и других. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ. К следственному делу 1934 года приобщены материалы следственных дел и надзорного производства при реабилитации участников всех процессов над русскими католиками.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Wenger A. Указ. соч. С. 378.

«Все священники растерялись — и это ошеломило нас. В их показаниях речь шла только о деньгах и о долларах, никто из них не настоял на том, чтобы в протоколе допроса было записано "для совершения богослужений". Только на судебном заседании <...> после того, как я объяснила, что это за деньги и с какой целью их передают, положение изменилось, и исчез преступный характер¹¹⁶ этой передачи денег»¹¹⁷.

Священники, арестованные по Воронежскому делу, вынуждено подписали все необходимые следствию показания, но на судебном заседании 16-19 ноября 1935 года от них отказались, и об этом написала сестра Вера епископу Пию НЕВЕ:

«БЕЙЛЬМАН и другие священники категорически отказались от всех своих показаний. БЕЙЛЬМАН сказал, что он писал свои показания 9 мая под диктовку следователя. На заседании это показание не зачитали, как и многие другие, которые были составлены против Вас»¹¹⁸.

О своих переживаниях после того, как на первом допросе ей зачитали показания священников, "признавших" тяжелейшие обвинения против себя и других, сестра Вера ГОРОДЕЦ с болью писала:

«Сестры и я, монсеньор, испытали лишь чувство глубокой жалости, увидев в зале этих священников, столь жалких, столь несчастных, столь непоследовательных. Мы прекрасно понимали, что они это сделали не злонамеренно, ибо потеряли голову и запутались <...> Но как было ужасно в эту первую ночь думать о том, что священники, которых мы называли отцами, предали нас и продали своего епископа»¹¹⁹.

От сестер-монахинь следствию так и не удалось добиться признания вины. На судебном заседании они решительно отвергли все обвинения, в результате судья вынужден был их оправдать, и сестры были освобождены из-под стражи в зале заседаний:

«Это были дни нашего триумфа, побед и благодати над грубым человеческим насилием, победы Божественной истины над ложью и клеветой. Вы не представляете, какое огромное впечатление произвели доминиканки на всех присутствовавших <...> Я заявила: "Я католичка и горжусь этим, я доминиканка и горжусь этим не менее. Но у вас нет никакого права судить меня за это, потому что Бог не является главой политической партии, и потому что учение Иисуса Христа не является политической программой, а лишь программой любви и милосердия»¹²⁰.

Священники Иосиф БЕЙЛЬМАН, Адам ГАРЕЙС, Иосиф ВЕРЖБИЦКИЙ и Александр СТАУБ были приговорены к 8-10 годам тюремного заключения. Сообщая в Рим о завершении Воронежского процесса, епископ Пий НЕВЕ писал о сестрах-монахинях:

«Все наши монахини—доминиканки — русские женщины, героини, достойные восхищения. Они добавляют славную страницу к истории нашей Матери — Святой Церкви и являют сокровища добродетели,

¹¹⁶ В Католической Церкви материальная помощь епископа своей пастве является совершенно законным действием во взаимоотношениях между епископом, священниками и верующими.

¹¹⁷ Wenger A. Указ. соч. С. 377.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Wenger A. Указ. соч. С. 376.

¹²⁰ Там же. С. 380.

чистоты, мужества и любви к нашему Господу, хранящиеся в русской душе, принявшей истинность католической веры»¹²¹.

* * *

Отправляя русских католиков в тюрьмы, лагеря и ссылки, органы НКВД и там не оставляли их своим вниманием. Материалы лагерных отчетов ГУЛАГа СССР говорят о постоянном наблюдении за заключенными католичками. Приведем выдержку из "Сводного отчета ГУЛАГА НКВД СССР" от 8 февраля 1936 года, который представлен в общем следственном деле:

«<...> заключенные Байкало-Амурских лагерей: ГОТОВЦЕВА Екатерина Ивановна, ВАХЕВИЧ Елена Васильевна, ПЛАВСКАЯ Елена Агафоновна и ФИЦНЕР Ольга Геннадиевна, — ведут между собой антисоветские разговоры. Летом 1935 года ФИЦНЕР, ГОТОВЦЕВА и ПЛАВСКАЯ намеревались направить нелегально письмо в Германию к приверженцам католического ордена <...> через освобождающуюся заключенную»¹²².

Полного текста упомянутого письма в отчете нет, там дана лишь выдержка из него, ставшая главным обвинением для заключенных:

«Духом мы сильны, никакой лагерь, ни органы НКВД не могут верных дочерей и сыновей единой Католической Церкви совратить с истинного пути. Мы стараемся и здесь завербовать таких же ревностно настроенных сторонников Католической Церкви»¹²³.

Письмо было изъято, а непокорных отправили в штрафное отделение лагеря, где Екатерина ГОТОВЦЕВА, сестра Абрикосовской общины, позднее погибла.

* * *

Прежде чем обратиться к трагическому для страны периоду 1937-1938 годов, перечислим скорбный ряд потерь среди священников, пастырей русских католиков и руководителей общин, умерших в тюрьмах, лагерях и ссылках до начала кровавой вакханалии расстрелов этих лет: священник Алексей ЗЕРЧАНИНОВ после отбытия ссылки умер в Нижнем Новгороде 23 сентября 1933 года; экзарх русских католиков Леонид ФЕДОРОВ после освобождения из Соловецкого лагеря особого назначения и отбытия срока трехлетней ссылки скончался 7 марта 1934 года в Вятке; игуменья Анна Ивановна АБРИКОСОВА скончалась после операции раковой опухоли в тюремной больнице Бутырской тюрьмы 3 июля 1936 года; священник Потапий ЕМЕЛЬЯНОВ после освобождения из Белбалтлага скончался на станции Подвойцы Мурманской железной дороги 14 августа 1936 года; священник Иоанн ДЕЙБНЕР после отбытия десятилетнего срока в Суздальском политизоляторе поселился в Весьегонске Тверской области и 12 ноября 1936 года был убит бандитом там; священник Николай АЛЕКСАНДРОВ скончался в Белбалтлаге 29 мая 1937 года.

* * *

Первой жертвой чекистов в 1937 году стал досрочно освобожденный из Иркутского политизолятора в 1931 году и вернувшийся в Ленинград священник

¹²¹ Там же. С. 377.

¹²² Следственное дело А. И. АБРИКОСОВОЙ. 1934 // Центральный Архив ФСБ РФ.

¹²³ Там же.

Епифаний АКУЛОВ. Он служил в загородном костеле и был арестован там 26 июля 1937 года. 25 августа 1937 года по Постановлению Особой тройки Управления НКВД по Ленинградской области приговорен к высшей мере наказания и 28 августа расстрелян в Ленинградской тюрьме.

В сентябре 1937 года была арестована в лагере на Соловках Камилла КРУШЕЛЬНИЦКАЯ. 9 октября 1937 года по Постановлению Особой тройки Управления НКВД по Ленинградской области приговорена к высшей мере наказания и 27 октября расстреляна в Соловецкой тюрьме.

15 декабря 1937 года в Киеве был арестован Николай ТОЛСТОЙ. В его "Постановлении на арест" значилось: **«занимался шпионской деятельностью в пользу одного иностранного государства»**¹²⁴. О работе на "иностранное государство" показания свидетелей стандартны, без дат и имен. Вот один из образцов показания:

«Находясь в Одессе, ТОЛСТОЙ Н. А. установил связь с консулом одного иностранного государства, которого подробно информировал о церковной жизни на Украине, репрессиях против православного и католического духовенства, настроениях населения и своей работе по привлечению в унию православного духовенства»¹²⁵.

По материалам "дела" видно, что с 1926 года за Николаем ТОЛСТЫМ постоянно велось наблюдение вплоть до дня ареста, причем, выполнял эту "работу" очень близкий ему человек (и, заметим, в 1937 году разделивший его участь). Приведем выдержку из материалов следствия:

«<...> поступили данные о том, что проживающий в гор<оде> Киеве ТОЛСТОЙ Николай Алексеевич является одним из руководителей униатского движения на Украине, направленного к ополячиванию украинского населения и подготовке к оказанию активной помощи украинцами-униатами польской армии при вторжении на Украину»¹²⁶.

Далее указывалось на тесные контакты с ксендзами и связях с Ватиканом, а также с консульством "одного иностранного государства", так и не названного ни в протоколах допросов, ни в "Обвинительном заключении". Кроме того, Николая ТОЛСТОГО обвиняли еще и в том, что:

«<...> В целях сближения православного и католического духовенства было организовано общество Св. Льва, на заседаниях которого православное духовенство ознакомливалось с догматами Католической Церкви и подготавливалось для перехода в унию <...> Для приближения прихожан православной Церкви к католичеству, по предложению ТОЛСТОГО, при православных церквях были созданы "сестричества" <...> В эти "сестричества" вошли, в первую очередь, жены православного духовенства, наиболее почетные прихожанки и беглые монашки»¹²⁷.

В материалах следственного дела приведены фамилии 16 православных священнослужителей Киева и Одессы, которых, по версии следствия, **"завербовал в унию"** Николай ТОЛСТОЙ.

25 января 1938 года по Постановлению Наркома внутренних дел и Прокурора СССР Николай ТОЛСТОЙ был приговорен к высшей мере наказания. 4 февраля 1938 года расстрелян в Киевской тюрьме.

* * *

¹²⁴ Следственное дело Н. А.ТОЛСТОГО // Архив ЦГАОО Украины.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Следственное дело Н. А.ТОЛСТОГО // Архив ЦГАОО Украины.

К концу 1938 года не осталось уже на свободе ни священников, ни просто верующих — русских католиков, открыто посещавших собор Св. Людовика в Москве. Конечно, были еще те, кто тайно исповедовал католическую веру, но на службы они ходили в православные храмы, либо просто молились по домам.

За сестрами-монахинями, находившимися в лагерях, ссылках или "минусах", органы НКВД наблюдали постоянно; тех, кто выходил на свободу, брали по второму и третьему разу. 20 февраля 1940 года вместе с группой баптистов была арестована сестра Ольга ФИЦНЕР, уже отбывшая 5 лет в БАМлаге и находившаяся в ссылке. Группу обвинили в создании "нелегальной секты", проведении тайных собраний с привлечением молодежи, а также и в том, что:

«<...> под видом чтения религиозных проповедей проводили контрреволюционную агитацию, клевета на мероприятия советского правительства, советской армии, профсоюзов и комсомола, на материальное положение трудящихся <...> Собирали денежные средства, которые отсылали лицам, осужденным за контрреволюционные преступления»¹²⁸.

22 августа 1940 года Ольга ФИЦНЕР была осуждена на новый срок — 10 лет лагерей и отправлена в Сиблаг. По имеющимся сведениям, ее участь разделили Тамара СОРОЧИНСКАЯ, арестованная в БАМлаге и осужденная 23 июля 1941 года за "антисоветскую агитацию" еще на 10 лет лагерей; и Минна КУГЕЛЬ, арестованная в ссылке и получившая вновь 5 лет лагерей. К сожалению, о судьбах других сестер до сих пор ничего неизвестно. Неизвестно, например, где и когда погибли в период с 1937 по 1948 год сестры общины Вера САПОЖНИКОВА, Вера ХМЕЛЕВА и Вера ЦВЕТКОВА.

* * *

Если к Православной Церкви с началом Великой Отечественной войны стали относиться как к защитнице Отечества, то Католической Церкви в еще большей степени отвели роль внутреннего врага. Органы НКВД арестовывали всех вызывающих сомнение католиков, и малейшее подозрение в "шпионаже" кончалось расстрелом. Но и победоносное завершение войны не принесло католикам облегчения. Наоборот, "холодная война" как бы логически обосновала аресты католического духовенства, и прежде всего — русских католиков.

Последний групповой процесс над русскими католиками состоялся в 1948 году. К этому времени в Малоярославце, после отбытия лагерных сроков и ссылок, собралась небольшая группа сестер-монахинь из Абрикосовской и Соловьевской общин. Положение их было тяжелейшим — ни работы, ни денег. Единственным человеком, который оказывал им время от времени материальную помощь, был настоятель собора Св. Людовика в Москве Леопольд БРАУН. Периодически одна из сестер ездила в Москву, чтобы получить у него деньги и продовольствие для всей общины. Конечно же, об этих посещениях постоянно докладывали в органы МГБ "добровольные помощники" чекистов при храме:

«Леопольд БРАУН имел обширный круг связей (более 700 человек) из числа католиков, граждан СССР, большинство из которых посещали его в костеле <...> костел посещали КУЗНЕЦОВА В. В., КУГЕЛЬ М. Р., КРЫЛЕВСКАЯ Р. И., РУБАШЕВА Н. Н., ЭЙСМОНТ С. В.»¹²⁹.

Под Новый 1946 год Леопольд БРАУН был выслан из СССР, и связь с сестрами Малоярославской общины продолжал поддерживать новый настоятель

¹²⁸ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1934 // Центральный архив ФСБ РФ.

¹²⁹ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1934 // Центральный архив ФСБ РФ.

храма — Антонио ЛАБЕРЖ. О встречах сестер с ним также постоянно сообщалось в органы МГБ. Уже позднее, в материалах следственного дела будет зафиксировано:

«<...> из донесений видно, что ЛАБЕРЖ был знаком с КУЗНЕЦОВОЙ В. В., интересовался жизнью сестер-доминиканок из Малоярославской общины, в частности, справлялся о КУЗНЕЦОВОЙ, почему ее давно не видно в костеле, рекомендовал приехать ей в Москву и посетить костел в определенное время»¹³⁰.

3 ноября 1948 года были арестованы сестры общины Валентина ГОРОДЕЦ, Анна ДАВИДЮК, Раиса КРЫЛЕВСКАЯ и Софья ЭЙСМОНТ. Объясняя причину встреч с настоятелями храма Св. Людовика, они показали, что **«БРАУН и ЛАБЕРЖ очень интересовались подробностями содержания осужденных сестер-доминиканок»¹³¹**, чтобы помогать им материально. Однако в "Обвинительном заключении" по групповому делу сестер-монахинь интерес настоятелей был представлен в типично чекистском варианте:

«Обращавшихся к ним для исповедей католиков из числа советских граждан использовали для сбора информации о настроениях населения, продовольственном положении в стране и другим вопросам, обрабатывая их в антисоветском духе <...> По заданию БРАУНА и ЛАБЕРЖА среди населения проводили антисоветскую агитацию, собирали и передавали сведения шпионского характера, за что получали денежное вознаграждение»¹³².

17 августа 1949 года сестры общины были приговорены к 10 годам лагерей. Следственное дело арестованных позднее сестер-монахинь Валентины КУЗНЕЦОВОЙ и Норы РУБАШЕВОЙ было выделено в отдельное производство. О сестре Валентине давний "свидетель" чекистов дал придуманную им фантазию, оскорбительную для монахини-доминиканки:

«<...> она поддерживала преступную связь с настоятелем костела в Москве Леопольдом БРАУНОМ, а после его высылки из СССР, с его преемником Антониом ЛАБЕРЖЕМ»¹³³.

Отвечая на вопросы следствия о "преступной связи" с настоятелями, Валентина КУЗНЕЦОВА, отрицая подобную мерзость, вынуждена была показать, что письма осужденных сестер, присылаемые ей из лагерей и ссылки, которые, на ее взгляд, **«представляли наибольший интерес, она давала читать БРАУНУ, а позже и ЛАБЕРЖУ»¹³⁴**. Этих признаний для следствия было достаточно, чтобы 9 октября 1949 года предъявить сестрам-монахиням обвинение "в шпионаже" и приговорить их к 15 годам лагерей.

3 апреля 1949 года была арестована сестра Минна КУГЕЛЬ. Она категорически отказалась подписать обвинение в "шпионаже", но такие процессуальные "мелочи" следствие преодолевало легко: 2 июля 1949 года Минна КУГЕЛЬ была признана психически невменяемой и 17 сентября отправлена на принудительное лечение.

После осуждения сестер-монахинь из Малоярославца общины русских католиков в Москве и Ленинграде перестали существовать. И только после смерти Сталина у томящихся в лагерях сестер-монахинь появилась надежда на освобождение, которое пришло... лишь в 1956 году. Увы, к этому времени среди русских католиков уже не было в живых ни одного священника — духовного

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Следственное дело А.И.АБРИКОСОВОЙ. 1934 // Центральный архив ФСБ РФ.

¹³⁴ Там же.

наставника, который мог бы возродить хотя бы одну русскую католическую общину.

Рассказ о мученическом пути пострадавших за веру русских католиков закончим словами их постоянного и преданного духовного наставника, епископа Пия НЕВЕ, сказанными о них в 1936 году:

«Сколь многое они смогли бы сделать при их ревностности и стойкости, будь в России у католиков больше свободы! В тюрьмах, концентрационных лагерях, на принудительных работах, в ссылке — повсюду они хранили верность своему призванию и своим святым обетам; они распространили благоухание Христово и свет нашей святой веры!»¹³⁵.

Приведем имена сестер-монахинь, прошедших по групповым процессам русских католиков в период с 1923 по 1949 год, но не упомянутых в этой статье:

Екатерина БАШКОВА, Нина ВАСИЛЕНИ-ПОЖАРСКАЯ, Елизавета ВАХЕВИЧ, Вера ВЕРТ, Клавдия ГАРДНЕР, Анна ДАВИДЮК, Эмилия ЖУКОВСКАЯ, Софья ИВАНОВА, Нина КЕНАРСКАЯ, Екатерина МАЛИНОВСКАЯ, Елена НЕФЕДЬЕВА, Людмила ПОЛИБИНА, Анна ПОССЕЙПОЛЬ, Екатерина ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, Елена РОЖИНА, Александр РУМЯНЦЕВ, Тамара СОРОЧИНСКАЯ, Ольга СПЕЧИНСКАЯ, Татьяна ТОМИЛОВА, Анна ТЫШМАН, Надежда ЦВЕТКОВА, Надежда ЦЫБИНА.

¹³⁵ Wenger A. Указ. соч. С. 38.